# АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПОѢЗДКА

# ВЪ ТУРКЕСТАНСКІЙ КРАЙ

## ВЪ 1867 ГОДУ.

---

П. Лерха.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9-я л., № 12.
1870.

# АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПОѢЗДКА

# ВЪ ТУРКЕСТАНСКІЙ КРАЙ

## въ 1867 году.

(Извлеченіе изъ Отчета, представленнаго Императорской Археологической Коммиссіи.)

Въ видахъ разъясненія разнорѣчивыхъ мнѣній о развалинахъ стариннаго города при устьѣ Сыръ-Дарьи, близь форта № 1, г. генералъ-губернаторъ Оренбургскаго края весною 1867 года обратился въ Археологическую Коммиссію съ просьбою командировать туда свѣдущее лицо для ближайшаго изслѣдованія этихъ развалинъ [1].

Порученіе это, по просьбѣ Коммиссіи, принялъ на себя членъ здѣшняго Археологическаго общества, П. И. Лерхъ, который уже въ 1858 году, при поѣздкѣ съ нашею миссіею въ Хиву и Бухару, имѣлъ случай ознакомиться съ этою мѣстностію, и два года тому назадъ командированъ былъ Коммиссіею для изслѣдованія доисторическихъ древностей въ сѣверо-восточной Россіи. Для снятія плановъ и рисунковъ генералъ-губернаторъ съ своей стороны назначилъ ему въ помощь ротмистра М. К. Пріорова.

На случай, еслибы развалины оказались незаслуживающими обширнаго

разслѣдованія, Археологическая Коммиссія предложила г. Лерху заняться осмотромъ другихъ развалинъ, находящихся въ долинѣ Сыръ-Дарьи.

Изъ отчета, представленнаго имъ о пятимѣсячной поѣздкѣ своей, оказывается слѣдующее. Въ 22-хъ верстахъ ниже форта № 1 (Казалинска), на лѣвомъ берегу Сыра стоятъ у самой рѣки стѣны бывшаго Хивинскаго укрѣпленія Джанъ-Кала, имѣющія въ окружности 80 саж., вышиною же въ настоящее время не болѣе 2 саж. Близь этихъ развалинъ проведены изъ рѣки канавы, русла которыхъ простираются на 6—7 верстъ во внутрь страны; но воды въ нихъ теперь всего версты на 2 или на 3, такъ какъ поля, обработываемыя Киргизами, почти всѣ лежатъ у самаго берега. Если слѣдовать по крайней канавѣ съ лѣвой стороны Джанъ-калы, то на пятой верстѣ начинается мѣстность, покрытая на пространствѣ 4-хъ квадратныхъ верстъ невысокими холмами, которые обросли колючими степными растеніями и по большей части разрыты Киргизами. Въ юго-восточномъ углу этой мѣстности, носящей названіе Джанкента, возвышается неправильнымъ четвероугольникомъ валъ, который имѣетъ отъ 3-хъ до 4-хъ саж. въ основаніи, и на которомъ, преимущественно на восточной сторонѣ, сохранились еще остатки толстой стѣны, сложенной изъ комьевъ глины. Въ сѣверо-западномъ углу стѣна была сложена изъ кирпича. Валъ былъ окруженъ рвомъ въ 2 саж. ширины, слѣды котораго весьма ясно сохранились на восточной сторонѣ. Внутренняя площадь крѣпости заключала въ себѣ нѣсколько возвышеній. Раскопки, произведенныя на ней въ различныхъ пунктахъ, не обнаружили никакихъ слѣдовъ построекъ. Если здѣсь нѣкогда и существовали строенія, то вѣроятно они были глиняныя, слѣды которыхъ изглажены временемъ. Оказались только черепки отъ глиняныхъ сосудовъ и бараньи кости ([2]).

Бугры и холмы, разбросанные на сѣверѣ и сѣверо-западѣ отъ крѣпо-

сти, образовались большею частію отъ развалившихся построекъ, нѣкогда составлявшихъ собственно городъ Джанкентъ. Между этими холмами видны слѣды оросительныхъ канавъ, проведенныхъ изъ Сыра и отчасти огибавшихъ крѣпость и городской валъ. Признаковъ первоначальнаго насильственнаго разрушенія города не замѣтно. Надобно предполагать, что городъ былъ оставленъ жителями неразрушеннымъ. Повидимому сначала обваливались потолки, потомъ верхнія части стѣнъ. Разрушеніе; начатое дѣйствіемъ времени, было довершено кочующими здѣсь Киргизами. Еще за нѣсколько десятилѣтій, если не раньше, они стали пользоваться отличнымъ, заключающимся особенно въ нижнихъ частяхъ стѣнъ и въ фундаментахъ домовъ, квадратнымъ кирпичемъ для возведенія могильныхъ памятниковъ на кладбищѣ, расположенномъ въ одной верстѣ на западъ отъ крѣпости. Эти памятники въ свою очередь успѣли подвергнуться разрушительному вліянію времени и куполы ихъ уже начали проваливаться. Киргизы сообщили г. Лерху, что и на Куванъ-Дарьѣ находятся могильные памятники, построенные изъ Джанкентскаго кирпича. Въ большихъ размѣрахъ раскопки предприняты были Киргизами въ Джанкентѣ въ 1866 г. Осенью этого года, говорятъ, здѣсь работало до 2000 человѣкъ, разбивая засыпанныя мусоромъ и пескомъ стѣны своими мотыгами. Поэтому добыча археолога, прибывшаго сюда послѣ такого разрушенія, не могла быть *значительна*.

Поручивъ ротмистру Пріорову съемку мѣстности Джанкента (³), г. Лерхъ приступилъ къ своимъ развѣдкамъ, сперва, какъ уже было сказано, внутри крѣпости, а потомъ на холмѣ, лежащемъ внѣ ея близь восточной стороны вала, какъ единственномъ изъ значительныхъ возвышеній, до котораго не дотрогивалась киргизская мотыга. Въ этомъ холмѣ оказалось кладбище. Остовы лежали въ сложенныхъ на материкѣ, частію изъ обозженнаго, ча-

стію изъ сырцеваго кирпича, могилахъ, на которыхъ не было никакихъ надписей. Черепа, здѣсь найденные, по своей формѣ немного отличаются отъ череповъ, свойственныхъ тюркскимъ племенамъ.

Изъ холмовъ, которые тронуты были Киргизами лишь на столько, что при дальнѣйшей раскопкѣ можно было надѣяться получить хотя нѣкоторое понятіе о назначеніи стоявшихъ здѣсь зданій, были подвергнуты изслѣдованію четыре: два въ центрѣ и два въ западной части городской площади.

Въ первомъ холмѣ, находившемся отъ сѣверо-западнаго угла крѣпости въ 550 саженяхъ на сѣверо-западъ, оказались фундаментъ и нижняя часть стѣнъ внутри тщательно выштукатуреннаго алебастромъ склепа, который въ западномъ концѣ имѣлъ куполъ (4). При сломкѣ сѣверной стѣны этого склепа, производившейся Киргизами до прибытія г. Лерха, были вынуты кости двухъ человѣческихъ остововъ. Поговаривали въ фортѣ также о томъ, что здѣсь была найдена какая-то монета. Въ мусорѣ оказались синіе изразцы и части узорчатыхъ оконныхъ рамъ, покрытыхъ синею поливою.

Другой холмъ, отстоящій отъ перваго на 50 сажень, содержалъ въ себѣ остатки гончарнаго завода; отъ него сохранились на полтора аршина вышины построенныя двумя примыкающими другъ къ другу осьмиугольниками стѣны и полъ, на которомъ ставились для обжиганія глиняные сосуды. Уцѣлѣли также подъ поломъ своды и обороты печей. Отъ посуды сохранились только черепки горшковъ, кувшиновъ и блюдъ, небывшихъ еще въ употребленіи и раздробленныхъ тяжестью обрушившихся потолка и верхнихъ частей стѣнъ. Замѣчателенъ кусокъ небольшаго глинянаго кувшина, назначавшагося для обжиганія. Онъ покрытъ рельефнымъ узоромъ, а въ верхней части украшенъ гирляндою изъ вѣтокъ и листьевъ, обвивающихъ буквы красиваго арабскаго почерка. Къ сожалѣнію сохранилось только пять

буквъ, принадлежащихъ къ концу одного и началу другаго слова; вѣроятно здѣсь было выражено какое-нибудь благочестивое желаніе ([5]).

Третій холмъ былъ уже раскопанъ Киргизами болѣе двухъ первыхъ. Онъ содержалъ остатки значительнаго помѣщенія достаточнаго жителя; тутъ оказались ниши и угольные выступы съ арабесками по краямъ кирпичей.

Четвертый и наибольшій холмъ, отстоявшій отъ послѣдняго на 120 сажень, близъ старой оросительной канавы, заросшей мѣстами камышемъ, пользовался у мѣстныхъ кочевниковъ особенною извѣстностью. Говорили, что здѣсь былъ дворецъ царя Джанджархана, прославившагося своею несправедливою ревностію къ женѣ и будто-бы наказаннаго за это змѣями, которыя разрушили его городъ ([6]). Киргизы не трогали этого холма вѣроятно изъ уваженія, внушеннаго имъ преданіемъ къ нему, но когда весною 1867 года изъ форта № 1 была выслана туда команда, чтобы препятствовать дальнѣйшему разрушенію Джанкентскихъ развалинъ Киргизами, то на вершинѣ холма была вырыта яма въ сажень въ діаметрѣ и въ 4 аршина глубины. При этомъ было вынуто нѣсколько покрытыхъ глазурью изразцевъ, квадратной формы. Внутренность этого холма представила груду кирпича и мусора, между которыми въ значительномъ количествѣ встрѣчались изразцы, преимущественно голубые и бѣлые, расписанные арабскими буквами синяго цвѣта. Ближе къ фундаменту стоявшаго здѣсь нѣкогда зданія попадались разноцвѣтные глазурованные и украшенные различными узорами карнизы, капители, уступы, оконныя рамки и части плитъ съ надписями отъ надгробныхъ памятниковъ. Одну надпись удалось возстановить на столько, что можно было убѣдиться въ томъ, что она принадлежала къ надгробному памятнику лица, умершаго въ мѣсяцѣ рамаданѣ 763 года геджры, т. е. въ іюнѣ или іюлѣ 1362 г. по Р. Х. По разборкѣ холма, въ центрѣ его оказался сложенный изъ

квадратнаго кирпича полъ, по четыремъ угламъ котораго былъ фундаментъ изъ четыреугольныхъ столбовъ. Горизонтальный разрѣзъ каждаго изъ этихъ столбовъ, имѣвшихъ до $8\frac{1}{2}$ футовъ вышины, представлялъ четыреугольную площадь въ 16 квадр. футовъ. На фундаментѣ сѣверо-восточнаго угла сохранилась еще кирпичная стѣна въ 3 фута вышины.

Расположенiе фундамента и пола заставляетъ думать, что на четырехъ столбахъ, украшенныхъ разноцвѣтными изразцами, покоился куполъ, выложенный снаружи голубыми изразцами. Входъ подъ этотъ куполъ долженъ былъ находиться съ четырехъ сторонъ, соотвѣтствовавшихъ четыремъ странамъ свѣта; надписи вѣроятно окаймляли каждый изъ входовъ. Слѣдовъ лѣпной работы не оказалось. Она и не устояла бы противъ влiянiя атмосферы, такъ какъ внутренность памятника не была защищена отъ дѣйствiя осеннихъ и зимнихъ непогодъ. Съ восточной стороны находились въ землѣ могилы, обведенныя стѣнами въ 4 фута толщины. Остовы, при которыхъ не было никакихъ слѣдовъ одежды или украшенiй, были обращены лицомъ къ востоку. Надъ этими могилами стояли надгробные памятники, построенные изъ кирпича, обложеннаго изящно-украшенными изразцами, изъ которыхъ боковые покрыты были надписями. Но всѣ эти памятники были такъ сильно повреждены, что по сохранившимся обломкамъ трудно составить себѣ точное понятiе о ихъ внѣшнемъ видѣ (7).

У сѣверо-восточнаго угла главнаго памятника оказались остатки мостовой, составленной изъ одного ряда квадратнаго кирпича небольшаго размѣра; тутъ-же найдено до 50 мѣдныхъ монетъ, покрытыхъ толстымъ слоемъ окиси, и двѣ серебряныя монеты. Всѣ онѣ золото-ордынскiя, относятся частiю къ VIII вѣку геджры, (т. е. къ XV столѣтiю нашего лѣтосчисленiя) и чеканены преимущественно въ Новомъ Сараѣ.

Такъ какъ вслѣдствіе сильнаго раззоренія Джанкентскихъ бугровъ дальнѣйшія раскопки не подавали надежды на какую нибудь добычу, то г. Лерхъ чрезъ мѣсяцъ прекратилъ здѣсь свои работы и отправился для осмотра другихъ остатковъ древней населенности по Сыръ-Дарьѣ.

Развѣдка въ Джанкентѣ убѣдила изслѣдователя въ правильности прежняго предположенія о томъ, что здѣшнія развалины — остатки города Янгикента, упоминаемаго въ историческихъ повѣствованіяхъ о завоеваніи царства Харезмшаховъ Чингисханомъ и его сыновьями ([8]). Во первыхъ положеніе Джанкентскихъ развалинъ совершенно соотвѣтствуетъ положенію Янгикента, указанному арабскимъ географомъ Абульфедою († 1331), именно на Сыръ-Дарьѣ, въ 2 дняхъ пути отъ ея устья; во вторыхъ въ исторіи Чингисхана говорится, что Янгикентъ былъ крайній городъ по Сыру и что по взятіи Дженда небольшой отрядъ былъ отправленъ для занятія Янгикента, слѣдовательно городъ былъ незначительнаго объема и крѣпость его была не очень сильна. И въ этомъ отношеніи Джанкентскія развалины подтверждаютъ означенное предположеніе. Но гдѣ находился Джендъ? Вопросъ этотъ занималъ г. Лерха при его дальнѣйшемъ слѣдованіи вверхъ по Сыру. Джендъ взяли приступомъ Монголы въ 1219 году, послѣ удачной осады Отрара, развалины котораго еще видны близъ устья Арыса. На пути отъ Отрара къ Дженду войска Джучія заняли также Саганакъ, Бархалигкендъ, Узкендъ и Эшнасъ. Саганакъ покинутъ послѣдними жителями только нѣсколько десятилѣтій тому назадъ. Остатки его находятся на востокъ отъ нашего укрѣпленія Джулекъ, по эту сторону Каратаускихъ горъ. Завоеванный Монголами Джендъ долженъ былъ лежать у самаго Сыра, на правомъ берегу. Единственная мѣстность по Сыру между фортомъ № 1 и Джулекомъ, обнаруживающая слѣды древняго населенія, — киргизское кладбище Хорхутъ, гдѣ

устроена и послѣдняя станція передъ фортомъ № 2. Находящіеся здѣсь памятники, поставленные Киргизами надъ могилами родичей, большею частію построены изъ обозженнаго кирпича (9). Только въ послѣднее время они стали класть небольшіе камни съ нацарапанными на нихъ, полуграмотными надписями, содержащими имена усопшихъ. Но между этими новѣйшими памятниками разбросаны обломки плитъ темносѣраго цвѣта, носящіе на себѣ отрывки арабскихъ надписей (10), сходныхъ по стилю съ надписями памятниковъ, встрѣчающихся на старыхъ кладбищахъ нѣкогда населенныхъ мѣстъ Средней Азіи, какъ напр. въ Сауранѣ. Кромѣ того, близь Хорхутскаго кладбища видны холмы и бугры, напоминающіе холмы и бугры Джанкента. Весьма вѣроятно, что здѣсь и стоялъ нѣкогда Джендъ.

Недоѣзжая 50 верстъ до города Туркестана, г. Лерхъ остановился на мѣстѣ бывшаго города Сабрана или Саурана (11). Здѣсь сохранился еще валъ значительной крѣпости, съ глиняною стѣною. Въ особенности привлекало къ развѣдкѣ множество холмовъ, разбросанныхъ преимущественно на сѣверозападной и юговосточной сторонѣ крѣпости. За невозможностію пріискать достаточное количество рабочихъ, г. Лерхъ ограничился небольшою раскопкою внутри крѣпости. Раскопка эта произведена вокругъ башни, возвышающейся на 7 саж. надъ поверхностью земли. Рядомъ съ нею, на разстояніи 16 футовъ, стояла еще другая башня, которая обрушилась весною 1867 г. (12). Впрочемъ и сохранившаяся башня, не смотря на прочность ея стѣнъ, грозитъ обвалиться, такъ какъ Киргизы вытаскиваютъ изъ нижней части ея кирпичъ для кладки могилъ на расположенномъ близь крѣпости кладбищѣ. Оказалось, что до фундамента отъ нынѣшней поверхности еще цѣлая сажень. Обѣ башни стояли у входа въ медресе (13), отъ которой уцѣлѣлъ фундаментъ передней части и вѣроятно на заднемъ концѣ. Возлѣ

указаннаго киргизскаго кладбища находится старое городское кладбище, на которомъ еще лежитъ много надгробныхъ камней изъ свѣтложелтаго песчаника. Снявъ копіи съ наиболѣе сохранившихся на нихъ надписей, г. Лерхъ осмотрѣлъ еще остатки небольшаго укрѣпленія Миръ въ 6 верстахъ отъ Сабранской крѣпости, и за тѣмъ отправился въ Туркестанъ ([14]), гдѣ занялся изслѣдованіемъ тамошней мечети, возведенной въ 1404 году надъ прахомъ туркестанскаго святоши Ахмеда Ясави. Мечеть эта самая значительная въ Средней Азіи ([15]). Кромѣ могилы святаго, тамъ находятся еще могилы правнучки Тимура, Рабиъи-Бегимъ, дочери знаменитаго Улугъ-бека, скончавшейся въ 880 году гиджры (1475—1476 по Р. Х.), Абульхейръ-Сіюнджъ-Ходжа-хана, скончавшагося въ 931 г. (1524—1525), двухъ его сыновей, внука и дочери, знатныхъ лицъ конгратскаго рода, умершихъ въ первой половинѣ XVI вѣка, туркестанскихъ шейхъ-уль-исламовъ и киргизскихъ султановъ. Надписи на этихъ могилахъ г. Лерхомъ тщательно скопированы ([16]).

Отправившись изъ Туркестана черезъ Чемкендъ въ Ташкендъ, г. Лерхъ предпринялъ оттуда поѣздку въ Ходжендъ, Уратюбе, Заминъ и Дизахъ ([17]), и посѣтилъ ущелье Джаланъ-Уты, на дорогѣ изъ Дизаха въ Яны-курганъ; здѣсь онъ снялъ копіи съ двухъ надписей, высѣченныхъ на отвѣсной скалѣ, и успѣлъ убѣдиться въ томъ, что эти надписи не относятся къ Тамерлану, которому ихъ приписываетъ общее мнѣніе въ Туркестанскомъ краѣ. Обѣ надписи сочинены на персидскомъ языкѣ. Одна высѣчена въ память похода, предпринятаго въ 828 году (1424—1425) Улугъ-бекомъ въ Могулистанъ, а другая въ память побѣды, одержанной въ 979 году (1571—1572) въ здѣшнемъ ущельѣ бухарскимъ ханомъ Абдуллахомъ надъ владѣтелями Ташкенда, Туркестана, Ферганы и Дешти-Кипчака ([18]).

На возвратномъ пути г. Лерхъ заѣхалъ въ Ауліе-ату, чтобы посѣтить

развалины, лежащія въ 44 верстахъ отъ послѣдняго города на дорогѣ въ Мерке и извѣстныя у кочующихъ здѣсь Киргизовъ и осѣдлыхъ Сартовъ подъ названіемъ Ахыръ-Ташъ. Здѣсь онъ нашелъ начатое въ огромныхъ размѣрахъ, но недоконченное строеніе изъ желѣзнистаго песчаника темнокраснаго цвѣта. Только нижніе ряды передоваго фасада были сложены изъ огромныхъ камней, имѣющихъ до 7 футовъ длины и 4 фута ширины. Длина строенія предполагалась въ 600 футовъ, ширина въ 450 футовъ. Вѣроятно оно предназначалось для буддійскаго монастыря. О немъ упоминается въ путешествіи даосскаго монаха, отправившагося въ 1222 году изъ Китая черезъ Сайрамъ и Самаркандъ въ лагерь Чингисхана. Онъ говоритъ также о курганахъ, видныхъ еще и теперь на лѣво отъ дороги изъ Ауліе-аты къ Ахыръ-Ташу (19). На одномъ изъ обтесанныхъ камней послѣдняго вырѣзана манджурская надпись, гласящая о побѣдѣ китайскихъ войскъ надъ Дзунгарами въ 1758 году по Р. Х. Съ этой надписи г. Лерхомъ привезенъ гипсовый слѣпокъ.

---

# ПРИМѢЧАНІЯ И ПРИЛОЖЕНІЯ.

1. (стр. I.) Первые русскіе, видѣвшіе развалины Джанкента, были поручикъ оренбургскаго драгунскаго полка Дмитрій Гладышевъ и геодезистъ Муравинъ, ѣздившіе въ 1740 году по порученію правительства въ Хиву. Показанія Гладышева и Муравина о совершенномъ ими путешествіи, съ приложеніями, изданы Я. В. Ханыковымъ въ Географическихъ Извѣстіяхъ за 1850 г., стр. 519—599, и кромѣ того отдѣльно, Спб. 1851, 85 и 4 стр. 8° съ 2 картами. Киргизскій ханъ малой орды Абуль-хайръ-ханъ въ 1739 г. просилъ русское правительство о возобновленіи города Янкента. Гладышеву и Муравину было поручено осмотрѣть послѣдній. Муравинъ, въ своемъ показаніи, стр. 33 отдѣльнаго изданія, говоритъ: «На томъ мѣстѣ, гдѣ Абулъ-хаиръ-ханъ требовалъ о строеніи города, они (т. е. Муравинъ и Гладышевъ) были и видѣли, о коемъ сказывали имъ, что въ давнихъ годахъ построенъ былъ тутъ городъ Ногайскими Татарами, именемъ Янкентъ, глиняной котораго и по нынѣ ветхой остатокъ стѣнъ есть на острову, которой (т. е. островъ) величиною въ длину напримѣръ верстъ сто, въ ширину 45; съ одной стороны того острова обошло Аральское-Море, съ другой—Сыръ-Дарья рѣка, съ третьей—изъ Сыръ-Дарьи въ Аральское-Море палъ протокъ Карасаръ, ширнною версты на двѣ, по которому растетъ камышъ, такъ какъ на болотѣ; отъ него-же въ не дальномъ разстояніи есть соленое озеро, мѣсто равное, земля черная съ иломъ; кочуютъ на томъ острову и пашутъ Каракалпаки, и хлѣбъ родится, только болѣе просо; воду на пашню напускаютъ каналами; лѣсу на всемъ томъ острову, не токмо къ строенію города годнаго, но и на вареніе писчи, кромѣ камыша нѣтъ, и сыскать такого строельнаго вездѣ тамъ негдѣ; сѣно косить по нуждѣ камышъ мелкой можно, на самомъ томъ острову есть заливъ изъ Сыръ-Дарьи, кой впалъ въ Аральское море; разстоянія до него отъ Оренбурга 1064 версты, отъ Сыръ-Дарьи рѣки, вверхъ ея по правую сторону — 6 верстъ; вышеписанный бывшей городъ водою довольствовался изъ каналовъ, кою оными выпусчали изъ Сыръ-Дарьи.

«О разореніи онаго города между тамошними народами носится нѣкоторая басня, которая для куріозу ниже сего объявленія приложена» (этого сказанія нѣтъ въ печатномъ изданіи).

Въ приложенныхъ къ показаніямъ Муравина журналахъ трактамъ также упоминается о Янкентѣ (стр. 52, 53, 54).

Петру Рычкову эти показанія Гладышева и Муравина были извѣстны. Въ своей Топографіи Оренбургской (изд. въ С.-Петерб. въ 1762 году) ч. I, на стр. 226 (въ нѣмецкомъ изданіи: Orenburgische Topographie oder umständlische Beschreibung des Orenburgischen Gouvernements. Verfasset von Peter Rytschkow. Aus dem Russischen von Jacob Rodde. 2 чч., Рига, 1772 г., стр. 181—182, ср. стр. 208—209) онъ, исчисляя развалины древнихъ городовъ и обиталищъ, упоминаетъ о Джанкентѣ у впаденія Сыръ-Дарьи въ Аральское море, говоря при этомъ, что, судя по пространству, занимаемому развалившимися строеніями, онъ былъ не малый городъ. Въ Описаніи киргизъ-казачьихъ или киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей А. Левшина, ч. I (1832) стр. 212, сказано о Джанкентѣ: «Извѣстнѣйшія изъ нихъ (т. е. развалинъ на Сырѣ) суть остатки города *Джаныкента*, имѣющія нѣсколько верстъ въ окружности и лежащія на часъ ѣзды отъ лѣваго берега Сыра, и на день отъ устья сей рѣки. Когда и кѣмъ былъ построенъ Джаны-кентъ, или *Янги-кентъ* (новое укрѣпленіе) неизвѣстно; но знаменитый арабскій географъ Абульфеда, жившій, какъ извѣстно, въ XIV столѣтіи, упоминаетъ о немъ подъ именемъ *Янги-Кентъ*. Въ прошедшемъ столѣтіи онъ принадлежалъ Каракалпакамъ. Поручикъ Гладышевъ, посыланный въ 1742 (?) году къ народу сему россійскимъ правительствомъ, пишетъ, что онъ нашелъ Джаныкентъ въ развалинахъ, но что въ немъ еще существовали каменныя башни съ оградами, и что ханъ каракалпакскій жилъ здѣсь. По разсѣяніи Каракалпаковъ, мѣста сіи заняты Киргизъ-казаками, которые говорятъ, будто первобытные жители Джаныкента выгнаны изъ него были змѣями».

А. И. Макшеевъ въ своемъ «Описаніи низовьевъ Сыръ-Дарьи» (Морской Сборникъ за 1856 г. Т. XXIII № 9, отд. III стр. 516, въ отдѣльныхъ оттискахъ стр. 69) упоминаетъ о крѣпости древняго «Джаныкента» и о кладбищѣ «въ $1\frac{1}{2}$ верстѣ къ западу отъ Джаны-кента».

Въ сочиненіи своемъ «Киргизская степь Оренбургскаго вѣдомства» Спб. 1865. 8°, изданномъ въ сборникѣ «Матеріалы для географіи и статистики Россіи, собранные офицерами генеральнаго штаба», подполковникъ М. Мейеръ (стр. 284—288), раздѣляя развалины въ степи на три разряда или эпохи, къ первому изъ нихъ, т. е. къ разряду самыхъ древнихъ остатковъ зданій, построенныхъ изъ обожженнаго кирпича квадратной формы, причисляетъ также часть развалинъ на Сыръ-Дарьѣ и въ числѣ ихъ городъ «Джанъ-Кентъ». О немъ онъ (стр. 285—286) говоритъ слѣдующее: «Не смотря на то, что, по свидѣтельству Левшина, о немъ уже упоминаетъ арабскій географъ Абульфеда, жившій въ XIV столѣтіи, мы не можемъ приписать видѣннымъ нами тамъ остаткамъ такой древности (?). Можетъ быть названіе Джанъ-Кентъ—новый городъ, весьма обыкновенное вездѣ, гдѣ поселялось тюркское племя, относится къ другому мѣсту, или даже къ тому же, но существующіе нынѣ слѣды укрѣпленія и города принадлежатъ позднѣйшему періоду, такъ какъ нельзя допустить, чтобы стѣны изъ обожженной глины могли простоять столько столѣтій и сохранить почти совер-

шенно свой первоначальный видъ [1]). Въ настоящее время тамъ стоитъ довольно большое укрѣпленіе въ видѣ неправильнаго четыреугольника, сажень 150 въ длину и около 160 въ ширину, въ одномъ углу котораго находилась цитадель изъ обожженнаго кирпича. Кругомъ этого укрѣпленія, иногда какъ бы въ извѣстномъ порядкѣ, разбросано значительное число возвышеній, состоящихъ внутри изъ обожженнаго кирпича, а снаружи похожихъ на естественные бугры; это вѣроятно и былъ самый городъ [2]). Кромѣ сего по всей мѣстности валяются черепки грубой глиняной посуды [3]) и видны слѣды множества оросительныхъ канавъ. Верстахъ въ десяти отъ него находится могила, въ видѣ восьми-угольной башни изъ обожженнаго кирпича, вышиною до 8-ми саженей, извѣстная подъ названіемъ *Бикъ-минъ-ана*». Здѣсь вѣрно у г. Мейера опечатка: вмѣсто «верстахъ въ десяти» вѣроятно слѣдуетъ читать: «верстахъ въ восьми десяти», потому что упомянутая башня, у Макшеева: гробница Бикъ-мана, стоящая на возвышенномъ мѣстѣ, находится верстахъ въ 4 отъ праваго берега Кара-арыка и въ 10 отъ берега Аральскаго моря (см. Макшеева, Описаніе низовьевъ Сыръ-Дарьи, стр. 69).

Таково было состояніе свѣдѣній о джанкентскихъ развалинахъ въ русской литературѣ, когда въ февралѣ 1867 года, въ № 50 С.-Петербургскихъ Вѣдомостей, подъ заглавіемъ «Важное открытіе» появилась корреспонденція изъ Оренбурга, возвѣстившая объ открытіи офицерами форта № 1, на 21 верстѣ ниже послѣдняго, по теченію рѣки Сыръ-Дарьи, на ея лѣвомъ берегу «цѣлаго подземнаго города, который стоялъ прежде на берегу Аральскаго моря (!), занесенъ песками, покрытъ иломъ и солончаками (!) и заросъ степною колючкою. Подобно этому корреспонденту и авторъ другой корреспонденціи, также изъ Оренбурга, напечатанной въ № 58 С.-Петербургскихъ Вѣдомостей, подъ заглавіемъ «Еще о вновь открытомъ подземномъ городѣ», не подозрѣвалъ, что онъ пишетъ о давно извѣстныхъ въ русской литературѣ развалинахъ, о которыхъ говорятъ въ своихъ сочиненіяхъ Рычковъ, Левшинъ, Макшеевъ и Мейеръ. Вслѣдствіе этихъ двухъ корреспонденцій, въ которыхъ основаніе Джанкента приписывалось то пароянской или джунгарской эпохѣ, то временамъ Александра Македонскаго или Кира — въ газетѣ Москва (1867 г. № 46) подъ заглавіемъ «Новая погудка на старый ладъ» появилась статья предсѣдательствующаго въ отдѣленіи восточной археологіи С.-Петербургскаго археологическаго общества В. В. Григорьева, а въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ въ № 60 статья профессора Николаевской военной академіи А. И. Макшеева подъ заглавіемъ «Остатки стариннаго города на Сыръ-Дарьѣ». Кромѣ того послѣдній въ Русскомъ Инвалидѣ (1867, № 87) помѣстилъ статью «Еще нѣсколько словъ о развалинахъ Джаныкента».

Въ этихъ трехъ статьяхъ авторами ихъ была разъяснена читающей публикѣ сущность опоздавшаго открытія,

[1]) Глиняныя стѣны джанкентской крѣпости безъ сомнѣнія часто возобновлялись; крѣпость могла еще быть занята людьми, когда городъ уже былъ ими оставленъ. Л.

[2]) Какъ впослѣдствіи и оказалось. Л.

[3]) Таковые встрѣчались въ особенности внутри крѣпости. Л.

сдѣланнаго въ фортѣ № 1. В. В. Григорьевъ при этомъ указалъ на значеніе, которое бы могло имѣть для исторической науки обстоятельное описаніе всѣхъ остатковъ древнихъ поселеній на Сыръ-Дарьѣ. Кромѣ того, одновременно съ статьями А. И. Макшеева и В. В. Григорьева, въ «Odessaer Zeitung» № 28 (10 марта 1867 г.), профессоръ Новороссійскаго Университета Ф. К. Брунъ напечаталъ свои предположенія о джанкентскихъ развалинахъ подъ заглавіемъ «Eine Vermuthung in Bezug auf die jüngst entdeckten Ruinen am Syr-Darja». Извѣстный своими разнообразными трудами по древней и средневѣковой географіи ученый въ этой небольшой статьѣ совершенно справедливо замѣтилъ, что *Янги-кентъ*, знакомый арабскому географу Ибнъ-Хаукалу и упоминаемый у Плано-Карпини (Janckint) нельзя считать однимъ съ названнымъ въ самомъ началѣ записокъ Бабера городомъ *Янги* или *Таразомъ*, какъ это сдѣлалъ Давзакъ (d'Avezac) въ своемъ прекрасномъ комментаріи къ путешествію посла Иннокентія IV. Но съ предположеніемъ почтеннаго одесскаго ученаго, что Янги-кентъ встрѣчается на каталанской картѣ 1375 г., именно въ помѣщенномъ на ней на сѣверо-востокъ отъ Самарканда городѣ *Candicanti*, и у Рубруквиса подъ именемъ *Kenchat*, я не могу согласиться.

2. (къ стр. II). Послѣ меня дѣлалъ раскопки внутри Джанкентской крѣпости живописецъ В. Верещагинъ, именно осенью 1867 года, когда онъ отправлялся въ Ташкентъ. Въ статьѣ, помѣщенной имъ въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ (1868 г. № 2) онъ говоритъ о своей раскопкѣ въ этомъ мѣстѣ: «попадалось множество костей не только человѣческихъ но и разныхъ животныхъ... Затѣмъ вырыли куски жженнаго кирпича, уголь и много черепковъ отъ глиняныхъ кувшиновъ». Въ одномъ мѣстѣ, на глубинѣ человѣческаго роста, найденъ г. Верещагинымъ кувшинъ довольно узкій, въ три четверти аршина вышины, «очень красивой формы, съ ручкою и выдавшимся рыльцомъ». Кромѣ того найдена плоская чашка съ четырмя рыльцами и на половину отбитою ручкою — родъ плошки для свѣтильника, а возлѣ стѣны выложенной изъ необожженнаго кирпича, опрокинутый красный кувшинъ, или «вѣрнѣе горшокъ, покрытый прекрасными, правильнаго рисунка, узорами, выбитыми въ глинѣ»; надъ этимъ кувшиномъ былъ открытъ второй, длиною аршина въ полтора и совершенно гладкій, только на выдающихся краяхъ кругомъ отверстія была вылѣплена плетушка и нацарапанъ простенькій узоръ. Рядомъ попались еще два кувшина и въ разстояніи десятка саженъ еще два горшка съ костями и углемъ. Г. Верещагинъ не берется судить о томъ, «что это были за кувшины—труба или что другое», и называетъ разрытое имъ мѣсто «интересною башнею кувшиновъ». Побывавши въ Ташкентѣ и Самаркандѣ, онъ теперь, вѣроятно, убѣдился, что имъ раскопаны въ этомъ мѣстѣ *остатки кухонъ*. Горшки и кувшины, подобные открытымъ г. Верещагинымъ, были и мною тамъ найдены вмѣстѣ съ костями и слѣдами очаговъ; формы ихъ еще нынѣ въ употребленіи у осѣдлаго населенія Средней Азіи.

3. (стр. III). Планъ развалинъ Джанкента снятъ г. Пріоровымъ въ $^1/_{4200}$ долю, т. е. въ 1 кв. дюймѣ изображено 2,500 кв. саженъ.

4. (стр. IV). Слѣды купола обнаружились въ найденныхъ мною кускахъ щекотурки, покрывавшей его внутреннюю сторону. Объ этомъ зданіи говоритъ первая изъ вышеприведенныхъ корреспонденцій изъ Оренбурга. Офицеры форта № 1 нашли куполъ разобраннымъ киргизами и кирпичи съ него сложенными въ ряды.

5. (стр. V). Рено (Reinaud) въ своемъ сочиненіи Description des momunents musulmans du cabinet de M. le duc de Blacas, Paris, 1828, T. II, стр. 420, замѣчаетъ, что бо́льшая часть надписей на сосудахъ содержитъ простыя пожеланія въ пользу собственника. На сохранившейся части сосуда, о которомъ говорится въ отчетѣ, я въ настоящее время читаю ! فضال العز و т. е. الفضال и т. д. (*изобиліе могущества и...*).

6. (стр. V). Выше, въ показаніи Муравина, упоминается о преданіи на счетъ разоренія Джанкента. См. также *Л.* **Мейера**, Киргизская степь оренбургскаго вѣдомства, стр. 286 и А. **Макшеева**, Низовья Сыръ-Дарьи, примѣчаніе на стр. 69.

7. (стр. VI). Надгробные памятники въ этомъ мѣстѣ состояли изъ продолговатыхъ четыреугольниковъ, сложенныхъ изъ кирпича и выложенныхъ съ боковъ и по краямъ поверхности израсцами; середина поверхности была залита алебастромъ. На боковыхъ и на передней и задней сторонахъ израсцы носили надписи.

Высѣченныхъ изъ камня надгробныхъ памятниковъ не было ни здѣсь, ни на кладбищѣ, вѣроятно, потому что въ ближайшихъ окрестностяхъ Янгикента нѣтъ камня, годнаго для такой цѣли. Въ долинѣ Акъ-Ирекъ, по словамъ Мейера (стр. 85), встрѣчается песчаникъ, но для доставленія его въ Янгикентъ приходилось бы перевозить его черезъ Сыръ.

8. (стр. VII). Хотя Абульфеда писалъ въ первой четверти XIV ст. однако свѣдѣнія его о Янгикентѣ относятся ко времени болѣе отдаленному, по крайней мѣрѣ, на три столѣтія. Онъ въ двухъ мѣстахъ своего сочиненія (تقويم البلدان, т. е. Пріуроченіе странъ) упоминаетъ о Янгикентѣ. Первый разъ, говоря о теченіи Сейхуна (стр. ٧٢ изданія Рено: Geógraphie d'Aboulféda. Texte arabe publié d'après les manuscrits de Paris et de Leyde aux frais de la Société asiatique par M. Reinaud et M. le B-on Mac Guckin de Slane. Paris 1840. 4⁰): يجرى من فاراب الى ينغى كنت وهى حيث الطول ست وثمانون ونصف والعرض سبع واربعون ثم يقع فى بحيرة خوارزم على مرحلتين من ينغى كنت, т. е. (Сейхунъ) течетъ отъ Фараба (въ послѣдствіи извѣстнаго подъ именемъ Отрара) къ *Янги-кенту*, который лежитъ подъ $86^1/_2°$ долг. и 47° шир,; потомъ онъ изливается въ озеро Харезмское, въ двухъ дняхъ пути отъ *Янги-кента.*

Въ таблицахъ, сопровождающихъ описаніе отдѣльныхъ странъ, въ главѣ о Мавереннагрѣ и прилегающихъ къ нему странъ туркестанскихъ — ذكر ماوراء النهر وما اضيف اليه من بلاد تركستان, Абульфеда (стр. ٢٨٨) сообщаетъ два астрономическихъ опредѣленія положенія Янги-кента или, какъ арабы переводили

это наименованіе, Новаго селенія—القرية الجديدة. Одно опредѣленіе заимствовано имъ изъ «Канона» (قانون) знаменитаго аль-Бируни, жившаго въ концѣ X и въ началѣ XI ст. по Р. Хр., другое изъ книги неизвѣстнаго автора, озаглавленной «Книга долготъ и широтъ» — كتاب الاطوال والعروض. По мнѣнію Ренò авторъ этой книги жилъ до Бируни, Шпренгеръ же (см. Die Post-und Reiserouten des Orients. Mit 16 Karten nach einheimischen Quellen von A. Sprenger. 1 Heft, въ сборникѣ Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes herausgegeben von der D. Morgenl. Gesellschaft, III томъ, № 3. Лейпцигъ, 1864 г.. стр. XXIV) полагаетъ, что она сочинена въ XII столѣтіи. Константинопольскій библіографъ Хаджи Хальфа въ своемъ словарѣ, подъ № 9856, приводитъ книгу подъ тѣмъ же заглавіемъ, отзываясь о ней слѣдующимъ образомъ: «Упоминаемое въ этой книгѣ бòльшею частію чуждо правды и по свидѣтельству Абуль-Рейхана (т. е. Бируни) въ «Канонѣ» его, книга эта содержитъ много вымысловъ». Слѣдовательно, если «Книга долготъ и широтъ» была извѣстна автору «Канона», то приведенное мнѣніе Ренò можетъ считаться справедливымъ. По Бируни долгота Янги-кента 78° 30', широта 47°, по «Книгѣ долготъ и широтъ» первая 86° 30', вторая 44°. По тому же источнику (см. Аб. стр. ٢٨٩) разстояніе между Бухарою и Янги-кентомъ составляло 204 фарсаха.

Кромѣ того, Абульфеда приводитъ еще слѣдующіе слова арабскаго географа Ибнъ-Хаукала: «*Янги-Кентъ*, городъ вблизи рѣки Шашской (т. е. Сыра) и отстоитъ отъ Харезма не больше чѣмъ на 10 дней пути, а отъ Фараба на 20 дней; въ немъ живутъ мусульмане».

Сочиненіе свое (مسالك وممالك) Ибнъ-Хаукалъ окончилъ въ 976 году по Р. Хр. Двадцать лѣтъ раньше (345 = 956 п. Р. Х.) скончался другой путешественникъ, родившійся какъ и онъ въ Багдадѣ и посѣтившій подобно ему много странъ ислама. Это Масъуди, который, если самъ и не былъ въ низовьяхъ Сыра, то, по крайней мѣрѣ, имѣлъ возможность собрать довольно точныя свѣдѣнія объ этомъ краѣ въ посѣщенномъ имъ Мавереннагрѣ. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій, именно въ «Золотыхъ лугахъ» (مروج الذهب), говоря объ Аральскомъ морѣ и его притокахъ, онъ упоминаетъ и о Янги-кентѣ: واليها يصبّ نهر فرغانه والشاش ويمرّ ببلاد الفراب فى مدينة جديس ويجري فيه السفن الى هذه البحيرة وعليها مدينة الترك يقال لها المدينة الجديدة فيها مسلمون т. е. «впадаетъ въ него (Ар. море) рѣка Ферганы и Шаша (Сыръ) и протекаетъ она мимо обитаемыхъ странъ *Фараба* (Отрара) у города *Джедисъ* и по ней ходятъ суда до того озера. При немъ лежитъ городъ Тюрковъ, названный *новымъ городомъ*, въ которомъ (живутъ) мусульмане.» За тѣмъ онъ говоритъ, что Тюрки этихъ странъ частію кочевники, частію городскіе жители и что они племени Гуззовъ, раздѣляющагося на три орды: большую, малую и среднюю. См. Maçoudi, Les Prairies d'Or. Texte et trad. T. I. Paris 1861 стр. 212.

Что здѣсь идетъ рѣчь о Янги-кентѣ нельзя сомнѣваться. Масъуди переводитъ тюркское наименованіе ينكى كند или ينغى كنت словами مدينة الجديدة = *новый городъ*, что у Абульфеды передано словами القرية الجديدة т. е. *новое селеніе*. Послѣднія слова слѣдуетъ читать и у Эдриси, вмѣсто читанныхъ издателемъ его غزية الحديثة, т. е. Новая Гуззія. См. изданіе Жобера: كتاب نزهة فى المشتاق فى اختراق الافاق تأليف الشريف

الادريسى Géographie d'Édrisi traduite de l'arabe en français d'après deux manuscrits et accompagnéé de notes par. P. Amedée Jaubert (изъ Mémoires et voyages de la Société de Géographie) T. II. Paris 1840, стр. 209: «Après avoir depassé Sabran صبران il entre dans le désert appartenant aux Turks Ghozzes, passe á 3 milles de distance de la ville de Ghozzia la Neuve غزية الحديثه, puis décharge ses eaux dans le lac de Khowarezm بحيرة خوارزم (le lac d'Aral), à une distance de Ghozzia la Neuve qu'on peut parcourir en 2 journées de chemin en temps de paix. Quant à Ghozzia la Neuve, bien que cette ville soit la capitale du pays des Ghozzes et que leur roi l'habite durant l'hiver, cependant on y trouve des musulmans aussi bien qu'à Kodjend كجند et à Hawara خوارة dont les sultans sont Ghozzes. De Ghozzia à Khowarezm on compte 12 journées.»

Опредѣленіе разстоянія между Янги-кентомъ и Харезмомъ у Эдриси не много разнится отъ выше приведеннаго опредѣленія Ибнъ-Хаукала. Эдриси жилъ двумя столѣтіями позже Масъуди. «Золотые луга» послѣдняго были ему извѣстны (см. Reinaud, Introduction à la Géographie d'Aboulféda, стр. CLXIV — CLXVI).

Замѣчу еще, что въ географической части многотомнаго сочиненія مسالك الابصار Шегабъ-Эддина, жившаго въ первой половинѣ XIV стол., въ числѣ городовъ Туркестана упоминается и ينكى كن Янги-кенъ. Но можетъ быть, что это не нашъ Янги-Кентъ. Послѣдній, кажется мнѣ, слѣдуетъ скорѣе искать въ упомянутомъ тамъ Кендѣ حوركند (см. Notices et Extraits des manuscrits de la Bibl. du Roi T. XIII, стр. 234). Вслѣдъ за послѣднимъ упоминается Джендъ (جند).

Приведенныя нами извѣстія арабскихъ писателей о Янги-кентѣ свидѣтельствуютъ о его существованіи въ первой половинѣ X вѣка по Р. Хр. Относительно его наименованія. «Новымъ городомъ» В. В. Григорьевъ (въ газетѣ «Москва» 1867 г. № 46) высказалъ предположеніе, что названіе это было ему дано, можетъ быть, потому, что онъ былъ построенъ на мѣстѣ стараго города. Но возможно и другое предположеніе, именно то, что назывался онъ новымъ городомъ въ отношеніи къ другимъ присырдарьинскимъ городамъ, построеннымъ много раньше его.

Въ своемъ историческомъ сочиненіи Абульфеда не упоминаетъ о походѣ Чингисханова сына Джучія въ 616 (=1619) г. изъ-подъ Отрара въ низовья Сыра, кончившемся занятіемъ Монголами Янги-кента. Предшественникъ Абульфеды на поприщѣ лѣтописанія, Ибнъ-аль-Атсиръ, также не сообщаетъ никакихъ свѣдѣній объ этомъ походѣ. Только Рашидъ-эддинъ, Джувейни и Вассафъ, писавшіе по персидски, сообщаютъ намъ подробности о немъ. Главная цѣль этого похода было занятіе города Дженда на Сырѣ, جند كه برسيحون است (Рашидъ-эддинъ, рукопись Аз. Музея, л. 132 об.). Идя изъ Отрара на Джендъ, Джучи сначала остановился передъ *Саганакомъ*, принадлежавшемъ къ Джендской области (از نواحى جند, Рашидъ-эддинъ). Взявши Саганакъ послѣ семидневной осады и убивши всѣхъ жителей, Монголы овладѣли городами *Узкендъ* (اوزكند), *Бархалыгкендъ* или *Бархалыгкетъ* (d'Ohsson, Histoire des Mongols, т. I, стр. 222: Barkhaligkend, Рашидъ-эддинъ, рукопись Аз. Музея بارحليغ كيث, Джувейни въ تاريخ جهانكشاى, рукопись С.-Петербургскаго

университета л. 34 об. باز خليم كت, Вассафъ كتاب تجزية الامصار وتزجية الاعصار, часть IV, рукопись С.-Петербургскаго университета, л. 134 об. باغلع وكيت!!) и *Эшнасъ* (D'Ohsson: Eschnass, Джувейни и Вассафъ: اشناس, см. также Erdmann, Temudschin der Unerschütterliche, Leipzig 1862, стр. 372 и стр. 616). При приближеніи Джучіева войска къ Дженду (въ университетской рукописи сочиненія Джувейни: то جند, то جُند, у Якута въ معجم البلدان по изданію Вюстенфельда, т. II, стр. 128: جَنْدٌ, у Абульфеды въ تقويم البلدان также جَنْد, Джандъ или Джендъ), здѣшній губернаторъ отъ Харезмшаха, Кутлугъ-ханъ, переправившись черезъ Сейхунъ, бѣжалъ въ Харезмъ по степному пути (Рашидъ-эддинъ· قتلغ خان از سيحون بگذشت واز راه سابان متوجه خوارزم شد). Джендъ былъ взятъ приступомъ и по выводѣ изъ него жителей въ степь, гдѣ, по словамъ Рашидъ-эддина, жили кочевники (صحرا نشينان), былъ отданъ войску на разграбленіе, продолжавшееся девять дней. Потомъ изъ Дженда отправился одинъ туманъ (10,000 чел.) для занятія Янги-кента. Въ рукописи сочиненія Джувейни, принадлежащей С.-Петербургскому университету, это событіе разсказано слѣдующими словами· وبجانب شهركشت (въ Долгоруковской рук. Имп. Пуб. Библ. شهركنت) اميرى بابك تومان لشكر روان شد وانرا مستخلص كرد شحنهٔ انجا بگذاشت т. е. къ городу Кентъ отправился эмиръ съ войскомъ въ численности одного тумана (см. Л. Будагова, Сравнительный Словарь турецко-татарскихъ нарѣчій, выпускъ I, Спб. 1868, стр. 406, подъ словомъ تومان), занялъ его и оставилъ тамъ гарнизонъ. Ср. Ф. Доссона въ Hist. des Mongols, т. I, стр. 223 и Эрдманна въ Temudschin, стр. 373, которые занятый отправленнымъ изъ Дженда отрядомъ городъ называютъ *Енги-Кентомъ* (первый пишетъ *Yengui-Kend*, второй *Jengi-gent*).

Городъ *Джендъ* въ арабской литературѣ первый разъ упоминается у Ибнъ-Хаукала. Абульфеда (стр. ۴۸۹ изд. Ренó) приводитъ слѣдующія слова изъ сочиненія этого географа: وجند بليدة بالقرب من ينغى كنت т. е. Джендъ—городокъ въ сосѣдствѣ Янги-кента. Кромѣ того, Аб. приводитъ еще свѣдѣніе изъ книги اللباب فى تهذيب الانساب, извлеченной Ибнъ-аль-Атсиромъ изъ Самъàніевой (+ 682 = 1166) كتاب الانساب «Книги о родословіяхъ (ученыхъ)»: وجند بلدة من حدود الترك على طرف سيحون т. е. «Джендъ городъ въ предѣлахъ Тюрковъ на берегу Сейхуна». То же самое читаемъ мы въ рукописи сочиненія Самъàни, пріобрѣтенной мною въ 1856 г. въ Бухарѣ для Азіятскаго Музея нашей Академіи. У Якута (въ вышеприведенномъ мѣстѣ) сказано слѣдующее: Джендъ названіе большаго города въ обитаемыхъ странахъ Туркестана; отъ него до Харезма десять дней пути; онъ на границѣ обитаемыхъ странъ Тюрковъ и Мавереннагра, вблизи отъ рѣки Сейхуна; жители его мусульмане, слѣдующіе толку Абу-Ханифы (جَنْدٌ اسم مدينة عظيمة فى بلاد تركستان بينها وبين خوارزم عشره ايام تلقاءَ بلاد الترك من ماوراءَ النهر قريب من نهر سَيْحُون واهلها مسلمون ينتحلون مذهب ابى حنيفه). Положеніе Дженда, по Бируни: 38° 30′ широты (не слѣдуетъ ли у Абульфеды вмѣсто مح—ل читать مج—ل т. е. 43° 30′ что составитъ разницы съ значущейся у него широтою Янги-кента въ 30′?), по «Книгѣ долготъ»: 87° 45′ долготы и 47° широты.

Изъ числа немногихъ европейскихъ путешественниковъ, посѣтившихъ до Муравина и Гладышева низовья Сыръ-Дарьи, о Янги-кентѣ упоминаютъ Плано Карпини и его спутникъ монахъ Бенедиктъ. Ихъ свидѣтельства любопытны, потому что даютъ нѣкоторое понятіе о состояніи поселеній въ низовьяхъ Сыра лѣтъ 25 послѣ похода Джучія. Отправленные папою Иннокентіемъ IV (въ 1245 г.) въ Монголію, они побывали въ Батыевой ордѣ на Волгѣ въ Команіи (Comania) и, пройдя отдѣленную отъ послѣдней рѣкою Ураломъ (Iaic, Jaec—Яикъ) страну тюркскаго племени Канглы (terra Cangitarum, т. е. южную часть обиталищъ малой киргизской орды), прибыли въ землю Тюрковъ мусульманъ (de terra Cangitarum intravimus terram Biserminorum. Isti homines linguam comanicam loquebantur, ed adhuc loquuntur, sed legem Saracenorum tenent, (см. выше указанія Ибнъ-Хаукала и Масъуди о распространеніи ислама въ поселеніяхъ по нижнему Сыру). Здѣсь они нашли много разрушенныхъ крѣпостей и опустошенныхъ городовъ и на большой рѣкѣ (Сыръ-Дарьѣ) видѣли нѣкій городъ, который назывался *Янкинтъ* (Iankint, Iankynt), затѣмъ другой, *Бархинъ* или *Баршинъ* (Barchin), и третій *Орнасъ* (Ornas). Кромѣ того видѣли они еще многіе другіе города, имена которыхъ имъ остались неизвѣстными. Монахъ Бенедиктъ называетъ Янкинтъ magnam civitatem. Вѣроятно сады, окружавшіе городъ, простирались до самаго берега Сыра. Отъ Яика до большой рѣки, которою могла быть только Сыръ-Дарья, Плано Карпини и Бенедиктъ шли 28 дней; путь ихъ пролегалъ вѣроятно черезъ Эмбу, Большіе и Малые Барсуки и черезъ Каракумъ, см. записку Плано Карпини въ изданіи Давзака (d'Avezac) въ Recueil de Voyages et Mémoires publiés par la Société de Géographie T. IV, Paris 1839, Historia Mongolorum quos nos Tartaros appellamus, caput ultimum, § 1, стр. 749 — 750 и Appendix de itinere fratrum minorum ad Tartaros, quae frater Benedictus Polonus vivâ voce retulit, стр. 777. Еще въ другомъ мѣстѣ своей записки (cap. V, § III, стр. 672 – 674) Плано Карпини упоминаетъ о Янгикентѣ, какъ объ одномъ изъ городовъ, занятыхъ Монголами, будто бы послѣ смерти Чингизхана [1]. Здѣсь онъ очевидно перепуталъ три различныхъ похода: походъ Джучія въ низовья Сыра въ 1219 году, походъ Субетея и Чебе въ 1221 г. въ Кавказскія страны и походъ 1237 года. Произошла эта путаница у него, кажется мнѣ, оттого, что онъ на Сырѣ видѣлъ городъ, названный имъ *Орнасомъ* (можетъ быть это Рашидъ-эддиновъ и Джувейніевъ Эшнасъ, см. выше стр. 8), а кромѣ того слышалъ о затопленіи какого-то города, названіе котораго имѣло бо́льшее или ме́ньшее созвучіе съ именемъ перваго. На счетъ различныхъ мнѣній объ Орнасѣ и Орначѣ можно справиться у новѣйшаго комментатора странствованій Шильтбергера, одесскаго профессора Ф. К. Бруна, въ Запискахъ И. Новороссійскаго Университета, годъ I, Т. I. вып. 1 и 2 стр. 31—34 и 56. Давзакъ (стр. 5) считаетъ *Янкинтъ* Плано Карпини за одинъ городъ съ упоминаемымъ въ началѣ Записокъ султана Бабера (см. بابرنامه Баберъ-намэ изд. Н. Ильминскаго. Казань, 1857. 8°, стр. ٩, ср. Memoirs of Zehir-ed-din

[1]) Безсмысленное слово Alti-Soldanus есть вѣрно искаженіе имени харезмшаха Ала-эддина Мухаммедъ-Султана.

*

Muhammed Baber, transl. partly by J. Leyden, partly by W. Erskine. London 1826 4°, стр. 1) *Яны* (ينكى), на сѣверѣ отъ Ферганы, который по Баберу назывался прежде *Таразъ-Кентомъ* (طرازكنت — такъ слѣдуетъ читать, а не طراركنت, какъ напечатано у Ильминскаго на основаніи единственнаго, бывшаго ему доступнымъ, Керовскаго списка подлинника). Этотъ Яны Давзакъ на картѣ, приложенной имъ къ его изданію Плано Карпини, помѣстилъ на востокъ отъ Сыра, у подножья Каратауских горъ, на мѣстѣ, которое бы соотвѣтствовало пространству между Саганакомъ и Сабраномъ. Катрмеръ уже въ 1838 году, въ примѣчаніи къ сдѣланному имъ извлеченію изъ географической части многотомнаго арабскаго сочиненія VIII ст. гиджры مسالك الابصار فى ممالك الامصار т. е. «Путешествія взоровъ въ царства различныхъ странъ» (см. Notices et Extraits des manuscrits de la Bibliothèque du Roi et autres bibliothèques. Tome XIII, стр. 224 и слѣд.), указалъ, что Яны и лежавшій близь него болѣе древній городъ Таразъ или Таласъ или Талашъ (تلاس, تلاش) слѣдуетъ искать на дорогѣ изъ Самарканда черезъ Сайрамъ въ Ханъ-балыкъ (Пекинъ), около рѣки Таласа. См. также В. В. Вельяминова-Зернова, Изслѣдованіе о касимовскихъ царяхъ и царевичахъ, ч. II (въ X части трудовъ восточнаго отдѣленія Имп. Археол. Общества, Спб. 1864) стр. 155 и тамъ же примѣч. 21. Покойный Чоканъ Валихановъ (см. Записки И. Р. Геогр. Общества 1861 г. кн. II, Изслѣдованія и матеріалы, стр. 55) считалъ нынѣшнюю Ауліе-ату за древній Таразъ. Въ мою бытность въ Ауліе-атѣ я тамъ слышалъ о развалинахъ древняго поселенія, верстахъ въ 10 или 20 на востокъ отъ нея. Короткій срокъ моей командировки въ 1867 году, къ моему сожалѣнію, не позволилъ мнѣ, кромѣ *Ахыръ-таша*, посѣтить и другія мѣстности въ окрестностяхъ Аауліе-аты. На мѣстѣ послѣдней нѣтъ теперь признаковъ древняго города. См. ниже примѣчаніе 19.

Другой упоминаемый у Плано Карпини городъ, Бархинъ или Баршинъ, Давзакъ считаетъ тождественнымъ съ упоминаемымъ по китайскимъ источникамъ у Гобиля (Gaubil, Histoire de Gentchischan et de toute la dynastie des Mongols, Paris 17..) городомъ Pa-lul-tching, занятымъ Джучіемъ въ одномъ году съ городомъ, названнымъ у Гобиля Янг-ки-каномъ (Yang-ki-kan), что, безъ сомнѣнія, нашъ Янги-кентъ [1]). Въ сочиненіи армянскаго историка XIII стол. Киракоса гандцакскаго сохранилось неоднократно изданное повѣствованіе о путешествіи, предпринятомъ царемъ армянскимъ Хетумомъ въ ставку Мангу-хана. На возвратномъ пути онъ былъ на Таласѣ, откуда отправился въ города у подножья Каратау, между прочимъ въ *Саганакъ*, названный здѣсь Сѣнхахъ — Սէղախ. По словамъ разсказщика о путешествіи Хетума, Каратау или, какъ онъ называетъ этотъ кряжъ, «гора Харчукъ, откуда вышли Сальчуки, беретъ начало въ Таврской горѣ и идетъ до Парчина — Փարչին, гдѣ и заканчивается». См. приложеніе № V къ переводу Н. Эмина Всеобщей исторіи Вардана Великаго, Москва, 1861. 8°, стр. 213. Ср. также Давзака въ указ. м. на стр. 514.

[1]) Въ сочиненіи Гобиля, по неимѣнію его подъ рукою, я не могъ справляться.

Замѣчу еще, что въ рукописи Шегабъ-эддинова مسالك الابصار, которою пользовался Катмеръ для своего извлеченія, въ томъ мѣстѣ, гдѣ исчисляются города Туркестана, читается послѣ Дженда; مارحىل (безъ діакритическихъ точекъ). Вслѣдъ за тѣмъ стоятъ имена الطراز, شرم, которыя Катрмеръ читаетъ Отраръ и Сайрамъ. Съ этою поправкою я соглашаюсь, но مارحىل, я бы предложилъ читать не ياركند *Яркендъ*, а بارچند *Барджендъ*, что близко подходитъ къ упоминаемому въ маршрутѣ армянскаго царя *Парчинз* и къ *Barchin* у Плано-Карпини. Но не берусь рѣшить, значится ли тотъ же городъ на джучидской монетѣ 753 г., на которой Френъ прочелъ بار جين, не скрывая однако притомъ своего сильнаго сомнѣнія на счетъ того, слѣдуетъ ли читать Барджинъ или Тарджинъ или Нарджинъ; см. Recensio numorum стр. 245 № 64 и Nova Supplementa ad Recensionem numorum (Petrop. 1855), стр. 303, № 64 ab.

Городъ *Узкендъ* упоминается при разсказѣ о походѣ Абуль-хейръ-хана въ 849 (1445) г. подъ Саганакъ, именно въ писанномъ въ первой половинѣ X (XVI) столѣтія, при Абдуллатифъ-ханѣ, *Тарихи Абульхейръ-хани* تاريخ ابو الخير خانى. Сочиненіе это извѣстно пока по одной рукописи, вывезенной мною въ 1858 г. изъ Бухары для Азіятскаго Музея Академіи наукъ, и содержитъ въ себѣ общую исторію востока до X столѣтія гиджры и кромѣ того, въ концѣ, на 30 листахъ б. in 4°, исторію извѣстнаго Абуль-хейръ-хана, дѣда Шейбани-хана. Авторомъ назвался нѣкій *Масъуди Османовъ* مسعودى بن عثمان, родомъ когистанецъ, т. е. горецъ или такъ называемый горный персіянинъ или горный таджикъ. На ряду съ Узкендомъ исчисляются еще другія крѣпости въ горахъ Каратау, занятыя въ этотъ походъ Абуль-хейръ-ханомъ, именно: *Акъ-курганъ*, *Аркукъ*, *Сузакъ* (اق قورغان, ارقوق, سوزاق). Сузакъ существуетъ еще нынѣ. Узкендъ и Аркукъ упоминаются также въ Шейбаніадѣ, изданной г. профессоромъ И. Н. Березинымъ, см. Библіотеку восточныхъ историковъ Т. I (Казань, 1849), стр. ٧٩-٧٧ и стр. LXV—LXVII. Вмѣсто Аркукъ ارقوق въ Шейбаніадѣ пишется также Артукъ, آرتوق и آرتق (это чтеніе встрѣчается и у Хондемира, см. Вельяминова-Зернова, Изслѣд. о касим. царяхъ и царевичахъ, ч. II стр. 241—242 и 255), но я даю предпочтеніе первому чтенію, ارقوق, потому что оно согласно съ чтеніемъ въ Тарихи-Абуль-хейръ-хани и въ другомъ историческомъ сочиненіи, сходномъ по содержанію съ Шейбаніадой, въ которой большая часть повѣствованій о Шейбани-ханѣ оказывается извлеченіями изъ него. Эта книга, писанная въ Мавереннагрѣ въ 908 и 909 (1502—1503) гг. нѣкимъ *Султанъ-Веледомъ* — سلطان ولد, привезена мною также изъ Бухары для Академіи наукъ. Авторъ назвалъ ее *Нусретъ-намэ* نصرت نامه, т. е. *Книга божеской помощи*.

Мѣстоположеніе Саганака (у Решидъ-эддина, Абулъ-гази и Мирхонда سغناق, у Абдурреззака Самаркандскаго и Хондемира سغناق, у Масъуди Османова صغناق и سيغناق, въ Шейбаніадѣ سيغناق, на монетахъ سغناق; въ Туркестанѣ слышалъ я произношеніе *Саганакъ*) опредѣляется остатками «бывшей крѣпости Сунакъ-курганъ», значущимися, на картѣ Оренбургскаго штаба, на юговостокъ отъ Джулека, въ 42 верстахъ прямаго разстоянія отъ него и въ 18 верстахъ отъ берега Сыръ-Дарьи. О Саганакѣ упоминаетъ исторія Харемзша-

ховъ подъ 547 (1152) и 590 (1194) гг., см. Herbelot Bibliothèque orientale въ статьяхъ «Saganak» и «Tacasch». Въ началѣ XIV столѣтія онъ былъ, какъ извѣстно, столицею Синей Орды[1]) (см. П. С. Савельева, Монеты джучидскія, джагатайскія и т. д. въ III т. Трудовъ вост. отд. И. Арх. Общ, стр. 217, 356—59, 436—437) и часто упоминается у историковъ Тимура и Улугъ-бека (см. напр. Абдурреззакова مطلع السعدين подъ 830 г.). Въ Книгѣ къ Большому чертежу (изд. Г. И. Спасскаго, М. 1846, стр. 74, см. также Др. Росс. Идрографію, Спб. 1773, стр. 75) Саганакъ встрѣчается подъ названіемъ «*градъ Сунакъ*, противу Карачатовой горы». По Шерефъ-эддину Іездскому Саганакъ отстоялъ отъ Отрара на 24 фарсаха. См. также Л. Мейера, Киргизская степь стр. 286, Левшина, Опис. кирг.-кайс. ордъ и степей ч. I, стр. 258.

Мы выше видѣли, что по Решидъ-эддину Саганакъ во время Джучіева похода причислялся правленіемъ харезмшаховъ къ Джендской провинціи: губернаторъ имѣлъ свое мѣстопребываніе въ Джендѣ[2]). Въ послѣднемъ предокъ Сельчукидовъ, Сельчукъ, какъ говорятъ мусульманскіе историки, принялъ исламъ, умеръ и похороненъ, см. Mirchondi Hist. Seldschukidarum persice, изд. И. А. Вуллерсомъ (Gissae 1837), стр. ۲, Abulfedae Annales muslemici T. III, стр. 102—105; Deguignes, Hist. génér. des Huns T. II. 1-re partie, стр. 187, D. Price, Chronological Retrospect of Mohammedan History, vol II (1821 г.) стр. 344. Какъ долго существовалъ Джендъ послѣ завоеваній Монголами царства Харезмшаховъ, о томъ я не имѣю свѣдѣній.

9. (стр. VIII). Сколько мнѣ извѣстно, В. В. Вельяминовъ-Зерновъ первый въ нашей литературѣ заговорилъ о хорхутскомъ кладбищѣ, см. его статью «Памятникъ въ Башкиріи» въ IV томѣ Трудовъ Вост. Отдѣленія Имп. Арх. Общества, стр. 283, прим. 36. Затѣмъ объ этомъ кладбищѣ встрѣчаются свѣдѣнія у Л. Мейера, Киргизская степь оренбургскаго вѣдомства, стр. 286. Мейеръ пишетъ *Хоркутъ*. Отъ Казалы (фортъ № 1) до Хорхута считается по маршруту 164 версты.

10. (стр. VIII) На двухъ обломкахъ, принадлежавшихъ, вѣроятно, къ одному памятнику, я прочелъ هزا ...ا المغفورة (هزا مرقد) .ة. .ه. Камень этотъ лежалъ, безъ сомнѣнія, надъ могилой женщины. См. ниже примѣч. 14, гдѣ будетъ рѣчь о могильныхъ памятникахъ въ Туркестанской мечети.

11. (стр. VIII) Общій видъ развалинъ Сауранской крѣпости представленъ на рисункѣ, рѣзанномъ по фотографіи на деревѣ и помѣщенномъ въ изящномъ изданіи П. И. Пашино «Туркестанскій край въ 1868 г.» на стр. 72. Башни сауранскія, стоящія внутри крѣпости, изображены отдѣльно въ томъ же изданіи на стр. 63, также по фотографіи, снятой въ 1866 году Михаиломъ Капитоновичемъ Пріоровымъ. Г. Пашино предполагаетъ вышину башенъ въ 15 саженъ; по моему измѣренію, какъ уже въ отчетѣ замѣчено, оказалось, что башня,

[1]) Саганакъ покойный Савельевъ, не знаю почему, предполагалъ «на верховьяхъ Сыръ-Дарьи».

[2]) Уже при Иль-Арсланѣ (+ 568 = 1172) Джендъ былъ подчиненъ власти Харезмшаховъ. Джендскую область онъ еще при жизни своей далъ въ удѣлъ старшему сыну Ала-эддину Тагашу См. Abulfedae Annales muslemici T. IV, стр. 2—3, Deguignes Hist. des Huns, T. II. 2, стр. 258.

стоявшая еще въ 1867 году и, судя по рисунку, на которомъ она находится въ право отъ зрителя, нисколько неизмѣнившаяся со времени посѣщенія Саурана г. Пашино, имѣла 7 саженъ вышины отъ поверхности почвы. Я поднимался два раза на башню, по внутренней ея лѣстницѣ, для опредѣленія ея вышины и толщины и объема ея стѣны въ различныхъ пунктахъ. При этомъ не могу не вспомнить съ благодарностью о любезномъ содѣйствіи Алексѣя Ивановича Макшеева, оказанномъ мнѣ имъ при измѣреніи размѣровъ башни, и кромѣ того во многихъ другихъ случаяхъ. Значительную часть моихъ разъѣздовъ по Сыръ-дарьинской области я имѣлъ удовольствіе совершить въ обществѣ Алексѣя Ивановича. Разстояніе башенъ одной отъ другой авторъ «Туркестанскаго края въ 1866 году» полагаетъ въ три сажени, что также несогласно съ моимъ измѣреніемъ.

12. (стр. VIII) Первый арабскій географъ, который говоритъ о Сабранѣ (صبران)—Идриси (въ срединѣ XII столѣтія по Р. Хр.), см. Géographie d'Edrisi, переводъ Жобера, т. II, стр. 209 (ср. выше примѣч. 8, стр. 7) и стр. 208, гдѣ онъ говоритъ о городахъ области Илакъ (ايلاق), смѣжной съ южной стороны съ Шашской. Здѣсь мы читаемъ: «Quant à Sabran صبران, c'est une ville où les Ghozzes se réunissent pour conclure la paix ou la trêve et pour faire le commerce en temps de paix». Авторъ сочиненія مسالك الابصار و ممالك الامصار (въ первой половинѣ XIV ст.) упоминаетъ о Сабранѣ при описаніи теченія Сыръ-Дарьи (см. Notices et Extraits т. XIII, стр. 260).

У Абульфеды нѣтъ никакихъ свѣдѣній о Сабранѣ. Можетъ быть слѣдуетъ читать Сабранъ صبران, вмѣсто صيران Сирана, значущагося на картѣ Маверепнагра, составленной А. Шпренгеромъ по Бируни, см. его карту № 2: Transoxanien nach dem Atwal und nach Byruny въ вышеприведенномъ изданіи Die Post-und Reiserouten des Orients; ср. тамъ же стр. 32, гдѣ разстояніе между Исфиджабомъ (Сайрамомъ) и главнымъ городомъ Фарабскаго (Отрарскаго) округа опредѣляется въ 4 дни пути, а отсюда до Сирана صيران считается два дня.

Армянскій царь Хетумъ, отправляясь изъ орды Мангу-хана въ Самаркандъ, проѣзжалъ черезъ «Савранъ Սաւրան (вар. Սորան), который очень обширенъ» [1]). У Якута, въ его Географическомъ Словарѣ (см. изд. Вюстенфельда, т. III, стр. ۳۴۷) о Сабранѣ — صَبْرَان — сказано, что онъ за рѣкой Сейхуномъ, въ степи и имѣетъ большую крѣпость.

У историковъ Тимура, принимавшаго дѣятельное участіе въ борьбѣ между Урусханомъ и его племян-

[1]) Между Савраномъ и Отраромъ въ дневникѣ Хетума упоминаются слѣдующія мѣстности: Харачухъ Խարաչուխ Асонъ—Ասոն и Саври (или Сори) Սաւրի. Харачухъ, безъ сомнѣнія, та же самая мѣстность, что قارا جوق у Шерефэддина Ездскаго и Абдуррезака Самаркандскаго, между Ясси и Сабраномъ, см. Charmoy Expédition de Timoûr-i-lenk ou Tamerlan въ Mémoires de l'Acad. Imp. des Sc. de St-Pétersb. VI-e. Série. Sciences politiques etc. T. III, стр. 104, 139, 180, 248, 368, 424.

никомъ Тохтамышемъ, поддерживая послѣдняго, часто упоминается о Сабранѣ, который до того принадлежалъ ко владѣніямъ хановъ Синей орды, потомъ достался Тохтамышу, а послѣ похода Тимура въ 793 (=1331) г., въ Кипчакъ противъ самаго Тохтамыша, остался за первымъ. Въ царствованіе Шахруха, въ 814 (=1411) г. Сабранъ или Савранъ (صوران[1]), какъ пишетъ Абдурреазакъ Самаркандскій, см. مطلع السعدين, рук. Библіотеки С.-Петерб. Университета, № 20922, л. 190 и 191; ср. переводъ Катрмера въ Notices et Extraits, т. XIV, стр. 198, 203 и 206) и окрестности его сдѣлались театромъ дѣйствій повстанца эмира Шейхъ-Нуръ-эддина и его побѣдителя, мавереннагрскаго губернатора отъ Шахруха, эмира Шахмулька.

Въ Шейбаніадѣ нѣсколько разъ упоминается о Сабранѣ, см. Библіотеку восточныхъ историковъ, т. I, стр. ٨٣, ٧٩, ٩٣ и перев. стр. 58, 68, 71, ср. Нусретъ-намэ Султанъ-Веледа, л. 97 а, 108 а — 109 а.

13. (стр. VIII). Медресе въ Сабранской крѣпости, отъ которой въ настоящее время сохранилось только одна башня и часть фундамента, была построена по волѣ Шейбанида Убейдъ-уллахъ-хана (939 — 946 = 1532, 3 — 1539, 40, см. Вельяминова-Зернова Монеты Бухарскія и Хивинскія въ IV т. Трудовъ Вост. Отдѣленія Импер. Арх. Общ. стр. 336—375). Извѣстіе о времени построенія мечети я нашелъ въ пріобрѣтенной мною въ Хивѣ въ 1858 году для Азіатскаго Музея Академіи рукописи, содержащей тюркскій переводъ писаннаго на персидскомъ языкѣ сочиненія жившаго въ первой половинѣ X ст. гиджры (XVI-го по Р. Х.) Зейнъ-эддина Махмуда Абдуль-джелилева (زين الدين محمود بن عبد الجليل) بدايع الوقايع, т. е. «Чудеса происшествій» 376 лл. въ 8-ю д. л. Переводъ этотъ сдѣланъ въ Хивѣ муншіемъ при дворѣ хана Аллахъ-кули, Хуббъ-кули-ходжею[2]). «Чудеса происшествій», имѣющія частію характеръ анекдотическій, относятся къ лицамъ и событіямъ IX и преимущественно первой половины X ст. гиджры. Авторъ ихъ былъ лично знакомъ съ нѣкоторыми членами Абуль-хейръ-ханова семейства. Свѣдѣнія о медресѣ въ Сабранѣ встрѣчаются въ разсказѣ его, озаглавленномъ: كفتار حضرت عبيد الله خان دين رخصت طلبين قيلغان نينك ذكريدا وتوجه كوركوزماك تركستان ولايتيغا خيريّت بيلا (л. 132 об. до 141 об.). Тамъ же упоминается и о построеніи небольшаго укрѣпленія, остатки котораго называются теперь مير قلعه سى. Оно было построено сабранскимъ жителемъ, сеидомъ Эмиръ-Абдуллахомъ, прозваннымъ Эмиръ-Арабомъ, для защиты имъ же построенной сердабы[3]) съ водопроводами (كاريز), въ разстояніи одного фарсаха отъ Сабрана.

[1]) Можетъ быть, что произносили и Сауранъ, ср. Սաւրան и варіантъ Սորան въ дневникѣ царя Хетума. На арабскихъ могильныхъ надписяхъ съ сабранскаго кладбища читаемъ صبراني, т. е. сабранскій уроженецъ.

[2]) Въ этой же рукописи, въ началѣ ея, имѣется на 65 стр. in 8⁰, обстоятельный разсказъ о восшествіи на престолъ Аллахъ-кули и повѣствованіе о событіяхъ первыхъ мѣсяцевъ его царствованія (съ 19 рамадана мѣсяца 1240 г. = 25 апр. 1825 юліянскаго года до 5 мухаррема 1241 г. = 8 августа 1825 г.). Хуббъ-Кули-ходжа перевелъ и Мирхондову Раузетъ ус-сефа и поэму «Юсуфъ и Зулейха». Кромѣ того онъ сочинилъ хронограмму на восшествіе на престолъ Аллахъ-кули.

[3]) سردابه *сердаба* — слово сложное изъ سرد *холодный* и آب *вода*, собственно *холодокъ* вырытый въ землѣ и покрытый строеніемъ со сводомъ.

Въ Абдулла-намэ Хафизъ-Таныша (см. В. В. Вельяминова-Зернова Изслѣдованіе о Касим. царяхъ и царевичахъ, ч. II, стр. 278 и 279, примѣч. 40) часто упоминается о Сабранѣ. Въ 987 г. онъ вмѣстѣ съ Яссы (нынѣшнимъ Туркестаномъ) попался въ руки Казаковъ (Киргизъ-Кайсаковъ) и въ 990 г. былъ взятъ Абдуллою (см. Абдулла-намэ, рукоп. Аз. Музея Акад. л. л. 272 а. и 341—344, ср. В. В. Вельяминова-Зернова въ указ. мѣстѣ, стр. 287.)

Въ книгѣ Б. Чертежа Сабранъ названъ *Ясырваномъ*: «на рѣкѣ же на Сарсѣ отъ Сунака града 90 верстъ градъ *Ясырванъ*. А отъ *Ясырвана* града 100 верстъ градъ *Тюркестанъ*, отъ *Сыра* рѣки 20 верстъ» (Др. Росс. Идрогр. Спб. 1773, стр. 75, Книга, глаг. Б. Чертежъ, изд. Г. И. Спасскимъ, Москва 1846, стр. 74). Въ настоящее время отъ Саурана до Туркестана по маршруту считается только 48 верстъ. Болѣе 50 и не будетъ. Но за то разстояніе между Саганакомъ и Сабраномъ много болѣе 90 верстъ.

Изъ надписей на осмотрѣнныхъ мною могильныхъ памятникахъ на Сауранскомъ кладбищѣ, расположенномъ на юго-востокъ отъ старой крѣпости, древнѣйшая относилась къ 936, новѣйшая къ 1038 (=1628—1629) г. Когда именно послѣдніе жители оставили Сабранъ неизвѣстно мнѣ. На сѣверо-восточной сторонѣ, въ направленіи къ маленькому укрѣпленію *Миръ*, видны еще глиняныя стѣны многихъ жилищъ: соображаясь съ степенью ихъ сохраненія, можно предполагать, что еще не дальше какъ за пятьдесятъ лѣтъ здѣсь жили люди. Между Саураномъ и Сыръ-Дарьею и въ настоящее время производится хлѣбопашество.

14 (стр. IX). Туркестанъ въ XIV, XV и XVI стол. назывался *Яссы* یسّی. Подъ этимъ названіемъ онъ встрѣчается у историковъ, писавшихъ объ исторіи Тимура и Абульхейръ-хана и ихъ потомковъ, у Шерефъ-эддина, Абдурреззака, Мирхонда, Хафизъ-Таныша (въ его исторіи Абдуллахъ-хана), Масъуди Османова, автора Шейбаніады и Махмуда Абдульджелилева. Шармуа (см. его сочиненіе о походѣ Тимура противъ Тохтамыша, въ указ. м. стр. 138—139, примѣч. 16) полагаетъ, что Яссы и нынѣйшій Туркестанъ двѣ совершенно различныя мѣстности. Вѣрнѣйшимъ доказательствомъ въ пользу противуположнаго мнѣнія, высказаннаго уже Карамзинымъ, а въ послѣднее время В. В. Вельяминовымъ-Зерновымъ (Изсл. о Касим. царяхъ, часть II, стр. 287), служатъ слова Шерефъ-эддина, которыми онъ начинаетъ свой разсказъ о построеніи Тимуромъ храмины надъ могилою шейха Ахмеда Яссави: وحضرت صاحبقران بقریه یسی بزیارت شیخ احمد یسوی فرمود т. е. его величество, обладатель счастливаго сочетанія звѣздъ, отправился въ селеніе Яссы поклониться праху шейха Ахмеда Яссави. И по Мирхонду, Абдурреззаку и Хафизъ-Таныщу могила упомянутаго туркестанскаго святаго въ Яссы: первые два повторяютъ разсказъ Шерефъ-эддина, современника Тимура, о пребываніи послѣдняго въ Яссы. Другіе историки, напр. Масъуди Османовъ, упоминая объ этой мѣстности, обыкновенно также прибавляютъ, что тамъ могила шейха Ахмеда Яссави.

15. (Стр. IX). Осенью 1397 (799) г. Тимуръ въ ожиданіи своей новой невѣсты, Тукель-ханымъ, дочери владѣтеля моголистанскаго, Хызръ-ходжа-хана (ср. Хондемира у Дефремери въ Journ. asiat. IV серія,

т. XIX, 1852 г., стр. 282), отправился въ Агенгеранъ (آهنكران) [1], что̀ не далеко отъ Чинаса (такъ называемый нынѣшнею администраціею Старый Чинасъ, въ 6 верстахъ отъ Сырь-Дарьи, гдѣ въ 1866 г. возведено русское укрѣпленіе Новый Чинасъ), и расположился тамъ зимовать. Оттуда (въ октябрѣ мѣсяцѣ) онъ отправился въ селеніе Яссы поклониться праху шейха Ахмеда Яссави и сдѣлалъ значительное пожертвованіе на возведеніе новаго зданія надъ могилою святаго. При немъ былъ составленъ планъ этому зданію, которое онъ приказалъ окончить въ теченіе двухъ лѣтъ, поручивъ раздавателю милостыни, Убейдуллѣ, распоряжаться работами. См. рукописи Библ. С.-Петерб. Унив. ظفر نامه Шерефъ-эддина № $^{102}/_{19183}$, л. 184 об., مطلع السعدين Абдурреззака № 20922[c], подъ 800 годомъ, روضة الصفا ч. IV, № 18191[a], л. 285; ср. Histoire de Timur- Bec, connu sous le nom du grand Tamerlan. Ecrite en Persan par Cherefeddin Ali, natif d'Yezd, traduite en français par feu M. Petis de la Croix, t. II, (Delf. 1723, въ 16-ую д. л.), стр. 425—427, и D. Price Chronological Retrospect or Memoirs of the principal events of Mahommedan history, Vol. III. Part. I, стр. 216.

Была-ли мечеть окончена въ назначенный срокъ, неизвѣстно. Въ самомъ Туркестанѣ говорятъ, что это было въ 806=1404 г. Надпись на огромномъ мѣдномъ сосудѣ для воды (سقاية), стоящемъ подъ большимъ куполомъ, гласитъ, что онъ сдѣланъ въ мѣсяцѣ шаввалѣ 801 (въ іюнѣ 1399) г. Лицевой фасадъ зданія, т. е. стрѣльчатая арка и два минарета, кажется, никогда не были покрыты изразцами, между тѣмъ какъ всѣ прочія стороны и купола были ими обложены.

Рисунокъ съ туркестанской мечети, рѣзанный на деревѣ по фотографіи М. К. Пріорова, публикованъ въ вышеприведенномъ сочиненіи г. Пашино (Туркестанскій край въ 1866 г.) на стр. 63. Другой рисунокъ, но весьма неточный, приложенъ къ статьѣ г. Бекчурина въ Военномъ Сборникѣ за 1866 г. кн. 8, т. L. Отд. II, стр. 209—217: «Описаніе мечети Азрета, находящейся въ городѣ Туркестанѣ.»

Предоставляя себѣ въ другомъ мѣстѣ поговорить поподробнѣе о туркестанской святынѣ, я на этотъ *разъ ограничусь сообщеніемъ слѣдующихъ свѣдѣній о ней.*

Г. Пашино (Туркестанскій край, стр. 66—67), сомнѣваясь въ томъ, что мечеть надъ могилою Ахмеда Яссави, возведена Тимуромъ, высказываетъ предположеніе, что она воздвигнута при жизни самаго святаго и заключаетъ свои разсужденія по этому вопросу слѣдующими словами: «При недостаткѣ (?) рукописей, относящихся до исторіи средней Азіи и при невозможности (?) критически провѣрить множество устныхъ преданій объ этомъ громадномъ строеніи, противорѣчущихъ одно другому, мнѣ кажется, что предположеніе высказанное мною, весьма правдоподобно». Какъ мы уже выше видѣли, темный для автора путевыхъ замѣтокъ вопросъ рѣ-

[1]) Есть и рѣка того же имени, протекающая Кураминскія селенія и впадающая въ Сыръ, около 10 верстъ выше Чирчика. Въ офиціальномъ мірѣ пишутъ *Ангренъ.*

шается на основаніи историческихъ свидѣтельствъ, сохранившихся въ сочиненіяхъ Шерефъ-эддина, Абдурреззака и Мирхонда, изъ которыхъ первое издано въ началѣ прошедшаго столѣтія, а третье извлечено въ сочиненіи Прейса (Price). Къ тому рукописи этихъ сочиненій давно извѣстны въ Европѣ. Каждое изъ нихъ имѣется въ богатыхъ петербургскихъ собраніяхъ рукописей изъ мусульманскихъ литературъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ, въ чемъ легко убѣдиться напримѣръ изъ извѣстныхъ всѣмъ оріенталистамъ двухъ петербургскихъ изданій: Catalogue des manuscrits et xylographes orientaux de la Bibliothèque Impériale de St.-Pétersbourg (1852 года, стр. 719 8⁰) и Das Asiatische Museum der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg von Dr. B. Dorn. (1846 г., стр. 776 8⁰). Правда, было бы весьма желательно, чтобы въ завоеванныхъ русскимъ оружіемъ странахъ средней Азіи было отыскано еще нѣсколько доселѣ неизвѣстныхъ источниковъ для исторіи этой части востока, или такихъ, которые намъ извѣстны по однимъ только заглавіямъ, какъ напр. تاريخ اربع الوس, т. е. Исторія четырехъ улусовъ, соч. внука Тимура, Улугъ-бека, تاريخ سمرقند, т. е. Исторія Самарканда, соч. Абу-Саъида аль-Идриси, умершаго въ 405 г. гиджры въ Самаркандѣ, или другой تاريخ سمرقند, соч. Абуль-Аббаса Джафара аль-Мустагфири, умершаго въ 332 = 1041 г., تاريخ بخارا, соч. переписчика книгъ (الورّاق), Абу-Абдуллы Ахмеда, сына Мухаммеда, сына Сулеймана, прозваннаго غنجار الحافظ или غنجار البخارى и умершаго въ 412 = 1021 году, и многія другія сочиненія, исчисленныя въ извѣстномъ спискѣ академика Френа. Между тѣмъ нельзя не желать, чтобы нашлось бо́льше рукъ для разработки тѣхъ источниковъ, которые отысканы и частію изданы.

Въ статьѣ «Азретъ — магометанская святыня въ Туркестанѣ» (изъ частнаго письма), помѣщенной въ № 5 «Справочнаго листка города Казани» построеніе туркестанской мечети ошибочно отнесено ко времени похода Тимура противъ Тохтамыша.

Упомянутая нами надпись на сосудѣ въ мечети надъ могилою шейха Ахмеда также указываетъ на Тимура какъ виновника возведенія зданія. Надпись эта сообщена г. Бекчуринымъ въ приложеніи къ его статьѣ, однако не довольно точно. Представляю здѣсь свою копію. Шрифтъ подлинника рельефный, почерка сульси.

### Надпись I.

قال الله تبارك وتعالى اجعلتم سقايه الحاج وعماره المسجد الحرام الآيه وقال عليه [1]) السلام من بنى [2]) سقايه فى سبيل الله تعالى بنى [3]) الله تعالى له خوضا فى الجنة امر بعمارة هذه [4]) السقايه الامير الاعظم مالك رقاب الامم المختص بعنايه الملك الرحمن اميرتيمور كوركان [5]) خلد الله تعالى ملكه لاجل روضه شيخ الاسلام سلطان مشايخ فى العالم شيخ احمد اليسوى [6]) قدس الله روحه العزيز فى العشرين [7]) شوال سنة احدى وثمانمايه [8]).

Подъ словомъ قدس начинается вторая надпись, въ два ряда.

### Надпись II.

عمل عبدالفقير الغنى الى الله ⁹ استاد عبدالعزيز ابن استاد شرف الدين تبريزى

*Примѣчанія къ тексту надписей:*

1) въ литографированномъ текстѣ г. Бекчурина вмѣсто قال عليه стоитъ فال عليه;

2) и 3) вмѣсто بنى г. Б. пишетъ بنا;

4) вмѣсто هذه у г. Б. هذا; передъ существ. женскаго рода (سقاية) слѣдуетъ писать هذه;

5) слова الرحمن امير تيمور كوركان выпущены въ текстѣ г. Б.

6) г. Б. прочелъ يسوى, безъ члена; въ подлинной надписи стоитъ اليسوى;

7) вмѣсто العشرين у г. Б. شهر, а слово العشرين попало у него въ число года, между ثمانمايه и احدى.

8) вмѣсто ثمانمايه у г. Б. ثمانية ماية

9) слова عبدالفقير الغنى الى الله пропущены у г. Б.

### Переводъ надписей:

«Сказалъ Богъ Всемогущій и Всевышній: Сопоставите-ли вы тѣхъ, кто поитъ водою паломниковъ и тѣхъ, кто посѣщаетъ священную мечеть? смотри стихъ Курана [1]). Сказалъ Онъ [2]), да будетъ надъ Нимъ миръ: кто поставитъ сосудъ для воды ради Бога Всевышняго, тому Богъ Всевышній соорудитъ водоемъ въ раю. Повелѣлъ соорудить этотъ сосудъ для воды Великій Эмиръ, повелитель народовъ, избранный попеченіемъ Царя Всемилостиваго, Эмиръ Тимуръ Гурганъ [3]) — да продлитъ Богъ его царствованіе — для могилы шейхъ-уль-ислама, главы всѣхъ шейховъ въ мірѣ, шейха Ахмеда, уроженца Яссы — да освятитъ Богъ его достойную душу! Двадцатаго шаввала восемьсотъ перваго года» [4]).

«Работа слуги, стремящагося къ Богу, мастера Абдуль-азиза, сына мастера Шерефъ-уддина, Табризскаго».

*Примѣчанія къ переводу:*

1) Приведенный стихъ Курана 19-й IX суры. Выписываю его здѣсь цѣликомъ:

أَجَعَلْتُمْ سِقَايَةَ ٱلْحَاجِّ وَعِمَارَةَ ٱلْمَسْجِدِ ٱلْحَرَامِ كَمَنْ آمَنَ بِٱللَّهِ وَٱلْيَوْمِ ٱلْآخِرِ وَجَاهَدَ فِي سَبِيلِ ٱللَّهِ لَا يَسْتَوُونَ عِنْدَ ٱللَّهِ وَٱللَّهُ لَا يَهْدِي ٱلْقَوْمَ ٱلظَّالِمِينَ

т. е. «Сопоставите-ли вы тѣхъ, кто поитъ водою паломниковъ и посѣщаетъ священный храмъ съ тѣми, кто вѣруетъ въ Бога и въ послѣдній день и сражается ради Бога? Не равны они передъ Богомъ. Богъ не наставляетъ людей грѣшныхъ.»

2) *«Сказалъ Онъ»*, т. е. пророкъ. Слѣдуетъ изреченіе сохранившееся безъ сомнѣнія въ одномъ изъ собраній хадиссовъ, но пока мнѣ не удалось его отъискать.

3) О словѣ كوركان *гурганъ* (адерб. *гурреканъ*) см. изданный трудами В. В. Вельяминова-Зернова извѣстный словарь къ сочиненіямъ Миръ-Али-шира: اللغات النوائية والاستشهادات الجغتائية Спб. 1868, стр. ٣٩٤, И. Н. Березина статью о значеніи слова «курканъ» въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1839, т. XXII отд. VII, стр. 22—34 и его примѣч. (63) къ Шейбаніадѣ, на стр. 46—48; ср. замѣчанія Фр. Эрдмана въ его «Temudschin der Unerschütterliche» (Лейпцигъ, 1861) въ прим. 50. на стр. 579—582 и прим. 179. стр. 599—608. См. также ниже прим къ надписи Улугъ-бека.

4) По г. Бекчурину, вслѣдствіе ошибочной перестановки у него числа мѣсяца въ число года, на которую я выше указалъ, сосудъ сооруженъ 13 лѣтъ послѣ смерти Тимура! Что въ надписи могъ быть упомянутъ только такой годъ, въ который Тимуръ, приказавшій его сооруженіе, былъ еще въ живыхъ, г. Б. могъ заключить изъ словъ «да продлитъ Богъ его царствованіе», слѣдующихъ послѣ имени государя. Умершему государю не за чѣмъ желать продленія его царствованія. Послѣ имени умершаго прибавляютъ обыкновенно «да освятитъ Богъ мѣсто его покоя» (قدّس الله مرقده) или «да освятитъ Богъ его душу» (قدّس الله روحه).

Обращаюсь теперь къ надписямъ на могильныхъ камняхъ въ Туркестанской мечети.

Г. Бекчуринъ (стр. 212, строка 5 и 6) утверждаетъ, что въ этихъ надписяхъ не обозначены годы смерти похороненныхъ. Правда, что подобныя числа выражены не цифрами, чего можетъ быть ждалъ г. Б., но, за исключеніемъ двухъ новѣйшихъ надписей, они прописаны буквами, которыя въ большей части случаевъ сохранились очень ясно.

Сообщаю надписи на могилѣ правнучки Тимура, дочери Улугъ-бека. Изъ этихъ надписей читатель убѣдится, что она не могла быть похоронена своимъ прадѣдомъ, какъ говоритъ г. Бекчуринъ (стр. 211, строка 5), на основаніи слышаннаго имъ въ Туркестанѣ преданія. Камень на этой могилѣ имѣетъ 5′ 9″ длины, 1′ 2″ ширины и 1′ $5\frac{1}{2}$″ вышины. Въ обращенномъ на западъ концѣ изсѣчено рельефомъ:

هذا مرقد الشريفة المغفورة
المرحومة المبرورة ربعه سلطان بيكم ابنت
السّلطان الشهيد الكبير العظيم الغ بيك كوركان
وهو ابن السّلطان الاكبر شاه روخ ميرزا
ابن الخاقان المعظم المكرم امير تيمور كوركان
نوّر الله مرقدهم اجمعين الى يوم الدّين

Въ другомъ концѣ (въ ногахъ) читалъ я:

قد وقعة
الواقعة الهائلة. . . . من دار الفناء

الی دار البقا فی التاریخ شهور سنة
تسعین وثمانمایة الهجرة النبویة المصطفویة الهلالیّة
علیه الصلوة والسلام

**Переводъ:**

«Это мѣсто покоя благородной, прощенной (Богомъ), помилованной, добродѣтельной Рабиъи-султанъ-бегимъ, дочери умершаго мученическою смертью, могущественнаго великаго султана Улугъ-бека Гургана; онъ же сынъ могущественнѣйшаго султана Шахрухъ-Мирзы, сына великаго прославившагося эмира Тимура Гургана. Да освѣтитъ Богъ всѣ ихъ могилы до дня суда.»

«Случилось же горестное происшествіе отбытія [1]) изъ жилища временнаго въ обитель вѣчную въ одинъ изъ мѣсяцевъ 890 года новолунной эры бѣгства избраннаго пророка. Да будетъ съ нимъ милосердіе и миръ!»

*Рабиъа-султанъ-бегимъ* была за мужемъ за извѣстнымъ Абульхейръ-ханомъ, дѣдомъ Шейбани-хана. Пока мы только знали, что одна изъ его женъ, мать Кучкунджія и Сіюнджъ-ходжи, была дочь Улугъ-бека, см. Шейбаніаду въ Библіотекѣ восточныхъ историковъ, изд. И. Н. Березинымъ т. I (1849) стр. 94 текста и LXXVII перевода. Подобно автору Шейбаніады и авторъ Абдулла-намэ или Шерефнамэ-и-шâхи (شرف نامهٔ شاهی), Хафизъ-Танышъ (см. привезенную мною изъ Бухары рукопись Аз. Музея Академіи, на оборотѣ 28 л. въ главѣ ذکر شعب وفرزندان علی نسب ابو الخیرخان) сообщаетъ, что мать обоихъ названныхъ сыновей Абуль-хейра была дочь Улугъ-бека. Матери прочихъ сыновей были: одна изъ племени Беркутъ, другая изъ племени Конгратъ, обѣ законныя жены (حرم محرّم), третья же, была наложница, калмычка. Упоминаніе же имени дочери Улугъ-бека, бывшей за Абуль-хейръ-ханомъ, встрѣтилъ я только у одного историка, именно у автора *Тарихи-Абульхейръ-хани*, у *Масъуди Османова* (см. выше стр. 11). Извѣстно, что Абульхейръ-ханъ, послѣ смерти Абдуллатифъ-мирзы (8 мая 1450 = 26-го ребъіи 854 г.), помогъ другому правнуку Тимура, внуку Миранъ-шаха, Абу-Саъиду, разбить войско двоюроднаго брата Абдуллатифа, Абдуллы, и занять престолъ самаркандскій; см. **Хондемира** въ Price Chronological Retrospect, vol III. Part II, стр. 575—577. Названный историкъ, равно и **Мирхондъ** (см. ч. VI. Раузетъ-уссефа въ рукописи Библ. С.-Петерб. Унив. № 18191[a], л. 460) и Абдурреззакъ **Самаркандскій** (см. *Матлаъ-уссадеинъ* въ рукописи той же Библіотеки л. 291 и 292) говорятъ объ однихъ подаркахъ, которые Абу-Саъидъ, съумѣвшій удержать Узбековъ внѣ самаркандскихъ стѣнъ, ежедневно отправлялъ въ ставку Абульхейръ-хана, для него самаго и воинскихъ его начальниковъ. Одинъ Масъуди Османовъ, у котораго эти происшествія разсказаны въ двухъ главахъ, испещренныхъ стихами (گفتار در ابتداء کار سلطان ابو سعید ورفتن او بعنایت حمید مجید بدرگاه خان افاق,

[1]) Здѣсь буквы исчезли, можно предполагать, что стояло здѣсь слово رحلة

گفتار در رفتن سلطان ابو سعید بیاری حضرت مهیمن خلاق بدرگاه خان افاق بدشت قبجاق وذکر فتح سمرقند فردوس مانند лл. 232—237), сообщаетъ, что Абу-Саъидъ, желавшій отдѣлаться добромъ отъ Абульхейра, посылалъ ему, пока тотъ оставался въ Зерефшанской долинѣ, постоянно богатые подарки и, съ согласія свѣтскихъ и духовныхъ сановниковъ, выдалъ за него Рабиъу-султанъ-бегимъ (л. 237). Въ этомъ мѣстѣ Масъуди не указываетъ на происхожденіе Рабиъи-султанъ-бегимъ. Но нѣсколько страницъ дальше, разсказывая о прибытіи въ Дештъ внука Улугъ-бека, сына Абдуллатифъ-мирзы, Мухаммеда Джуки [1]), онъ называетъ Рабиъу-султанъ-бегимъ теткою послѣдняго. Кромѣ того, въ рукописи Тарихи-Абульхейръ-хани, на страницѣ, гдѣ авторъ говоритъ о кончинѣ Абульхейръ-хана (+874) и исчисляетъ его сыновей, сдѣланы рукою, не сходной съ рукою, написавшею рукопись, двѣ приписки, въ которыхъ исчислены и поименованы матери этихъ сыновей. Въ обѣихъ этихъ припискахъ упоминается Рабиъа-султанъ-бегимъ, дочь Улугъ-бека.

На основаніи сообщенной эпитафіи и другихъ приведенныхъ мною историческихъ свѣдѣній, мы теперь знаемъ, что Рабиъа-султанъ-бегимъ жила съ Абуль-хейръ-ханомъ 20 лѣтъ и вдовствовала 16 лѣтъ. Изъ двухъ ея сыновей въ туркестанской мечети похороненъ Сіюнджъ-ходжа-ханъ, скончавшійся, какъ говоритъ его эпитафія, въ мѣсяцѣ шаввалѣ 931 года. Камень, на которомъ она высѣчена, свѣтлосѣраго мрамора. Надписи были сдѣланы въ Самаркандѣ. Я предполагаю издать ихъ, по снятымъ съ нихъ на бумагѣ оттискамъ, какъ среднеазіятскій палеографическій памятникъ начала XVI вѣка. При этомъ случаѣ будутъ изданы и прочія могильныя надписи, сохранившіяся въ туркестанской мечети.

Кромѣ Хафиза Таныша о Сіюнджъ-ходжа-ханѣ упоминаетъ и вышеупомянутый Абдульджелилевъ. У него даже цѣлая глава посвящена разсказу о совѣщаніяхъ, бывшихъ въ Ташкендѣ на счетъ сочиненія эпитафіи для Сіюнджъ-ходжи.

Камня, на которомъ бы значилось имя Ондавъ-султана, Уразмухаммедова отца, я не находилъ въ Туркестанѣ. Авторъ «Сборника лѣтописей» упоминаетъ о его погребеніи въ Туркестанской мечети. См. В. В. Вельяминова-Зернова Изслѣд. т. II, стр. 365.

У туркестанскаго шейхъ-уль-ислама, Насруллы, я нашелъ до пятнадцати грамотъ, присланныхъ на имя святыни отъ различныхъ среднеазіятскихъ владѣтелей, которымъ былъ подчиненъ Туркестанъ. Въ этихъ грамотахъ подтверждаются льготы, дарованныя потомкамъ Ахмеда Яссави. Старѣйшая изъ нихъ 1000 года гиджры и прислана Абдуллахъ-ханомъ. Съ четырнадцати изъ нихъ Наср-уллахъ-ходжа велѣлъ сдѣлать для меня копіи. Пятнадцатая, 1035 года, отъ имени Ташкендскаго владѣльца, казацкаго хана Турсуна (см.

[1]) Въ семействѣ Тимура былъ еще другой Мухаммедъ-Джуки, сынъ Шахруха, умершій въ 848 г.; см. статью Н. В. Ханыкова о топографіи Герата въ Journal Asiatique, V[e] série, T. XV (1860, Juin), стр. 542 О вышеупомянутомъ Мухаммедѣ Джуки († 868) см. Эсфизори у Barbier de Meynard въ Journ. As. V[e], série T. XX, стр. 309.

Абулгазіеву исторію въ казанскомъ изданіи, стр. ١٩٧ и ср. Изслѣдованія В. В. Вельяминова-Зернова о Касимовскихъ царяхъ, ч. II, стр. 372 и слѣд.), не знаю почему, не попала въ это собраніе копій съ грамотъ, списокъ которыхъ здѣсь сообщаю:

1. Грамота Абдуллахъ-хана, 1000 (= 1591 — 1592) г., на персидскомъ языкѣ.

2. Имамъ-кули, 1027 г., мѣсяца реджеба (=14 іюня по 13 іюля 1618 г. по Р. Х.), на перс. языкѣ.

3. Убейдъ-уллахъ-хана, на тюркскомъ нарѣчіи, 1034 г. гиджры и года *мыши* среднеазіятскаго цикла (1034 г. гиджры начинался 14 октября 1624 года, годъ мыши кончался 20 марта 1625 года). Кто былъ этотъ Убейдъ-уллахъ и гдѣ онъ былъ ханомъ, неизвѣстно. Въ родѣ Абуль-хейръ-хана, кромѣ бывшаго правнукомъ его и сыномъ Шахъ-Будагова сына, Махмудъ-султана, не было другаго Убейдъ-уллы. Этотъ Убейдъ-улла родился въ 892 году (см. рукопись Абдулла-намэ Азіятскаго Музея, л. 31 на обор.) и скончался въ 946 году (съ 9 марта по 7 апрѣля 1540 г.) въ мѣсяцѣ зилькаъды, проханствовавши 6 лѣтъ, именно съ 940 года, когда умеръ Абу-Саъидъ, сынъ Кучкунджіевъ [1]). Не былъ ли Убейдъ-улла нашей грамоты одинъ изъ владѣтелей Ферганы?

4. Эмира Даніяла, на персидскомъ языкѣ, 1212 (=1797—1798) г.

5. Эмира Хейдера, на тюркскомъ языкѣ, 1219 (=1804—1805) г.

6. Эмира Насръ-уллы, на персидскомъ языкѣ, мѣсяца шаъбана 1258 года (= 7 сентября по 5 октября 1842).

*Отъ коканскихъ владѣтелей.*

(всѣ на перс. языкѣ).

7. Мухаммеда Омара, мѣсяца реджеба 1235 г., (14 апрѣля по 13 мая 1820 года).

1) У В. В. Вельяминова-Зернова, въ его сочиненіи «Монеты бухарскія и хивинскія» (Труды Восточнаго Отдѣла Имп. Арх. Общества ч. IV, стр. 330, ср. стр. 339 и 344) смерть Абу-Саъида и возшествіе на престолъ Убейдъ-уллы отнесены, на основаніи свидѣтельства Казвини, къ 939 году гиджры. Я слѣдовалъ въ этомъ отношеніи среднеазіятскому источнику, Тарихи-Ракымъ, состоящему изъ собранія хронограммъ (тариховъ), сочиненныхъ на событія среднеазіятской исторіи (Мавераннагра и Хорасана) со временъ Тимура до 1054 (=1644—45) г. Вмѣстѣ съ хронограммами, сочиненными большею частію по случаю смерти или рожденія замѣчательныхъ или знатныхъ личностей (хановъ, султановъ, визирей, духовныхъ лицъ, поэтовъ и др.), или по случаю возшествія на престолъ владѣтелей среднеазіятскихъ, или наконецъ по случаю построенія какого нибудь значительнаго зданія (мечети, медресе, бани, базара) приведены не рѣдко и разсказы о предшествующихъ этимъ событіямъ обстоятельствахъ или о жизни упоминаемыхъ лицъ. Кромѣ хронологическихъ, встрѣчается и много родословныхъ данныхъ въ этой книгѣ, которая принадлежитъ къ числу самыхъ распространенныхъ въ Бухарѣ и Туркестанѣ историческихъ сочиненій. Авторъ ея Миръ-Сеидъ-шерифъ-Ракымъ. Въ ханыковскомъ собраніи рукописей, перешедшемъ въ Императорскую Публичную Библіотеку, сочиненіе это имѣется въ одномъ экземплярѣ (см. каталогъ Б. А. Дорна въ Mélanges asiatiques, т. V, стр. 247, № 77); другой петербургскій экземпляръ привезенъ мною въ 1859 г. для Азіятскаго Музея изъ Бухары; въ Хивѣ пріобрѣлъ я для того же музея тюркскій (джагатайскій) переводъ этого сочиненія.

8. Мухаммедъ-Али 1241 (=1825—26) г.

9. Его же 1259 (=1843—44) г.

10. Худаяръ-хана мѣсяца зилькаъды 1263 (1847) г.

11. Мухаммедъ Мелла-хана 1275 г., мѣсяца джумади II (=6 января по 3 февраля 1859 г.).

12. Его же, мѣсяца рамазана того же года (=4 апрѣля по 3 мая 1859 г.).

13. Худаяръ-хана, мѣсяца сафара 1279 г. (29 іюня по 26 августа 1862 года).

14. Султанъ-Мухаммедъ-хана рабиъ I. 1280 г. (16 августа по 14 сентября 1863 г.). Кромѣ печати ханской, между строками была еще наложена печать извѣстнаго противника нашего генерала Черняева, Али-кули. Она носила слѣдующую надпись: امير الامرا ملا على قلى بن حسن بى т. е. эмиръ-ульомера Мула-Али-кули сынъ Хасанъ-баевъ. Ханъ Султанъ-Мухаммедъ былъ (малолѣтній) сынъ Мухаммедъ Мелла-хана, какъ узнаемъ изъ надписи на его печати: سيد سلطان بهادر خان بن سيد محمد مله خان Надписи на печатяхъ другихъ коканскихъ хановъ были слѣдующія: 1) на печати хана Мухаммедъ-Омара: امير سيد محمد عمر ١٢٣٠. Ханъ этотъ былъ, какъ извѣстно, сыномъ Нарбута-бія [1]); 2) на печатяхъ Мухаммедъ-Али, на одной سيد شير محمد على بهادر خان, на другой محمد على خان بن سيد امير المسلمين محمد عمر ١٢٤١ 3) на печати Худаяръ-хана: ابو المظفر والمنصور سيد خدايار بهادر خان ١٢٧٩; годъ 1279-ой (= 29 іюня 1862 по 17 іюня 1863 г.) обозначаетъ годъ начала втораго ханствованія Худаяра, который теперь въ третій разъ ханомъ: 4) на печати Мелла-хана: ابو المظفر والمنصور سيد محمد مله بهادر خان ١٢٧٥.

17. (стр. IX). Я пишу Дизахъ, согласно съ произношеніемъ грамотныхъ сартовъ, которые пишутъ ديزخ или ديزاخ. Произношеніе Джизакъ употребительно между кочующимъ населеніемъ. Миръ-Иссетъулла упоминаетъ о произношеніи Djezich на ряду съ Dezikh и Dizzikh درخ, см. Magasin asiatique, publ. par J. Klaproth, т. II. стр. 49 и 163. У Самъани (въ كتاب الانساب подъ словомъ ديزكى), у Мокадесси (см. Sprenger, Post-und Reiserouten des Orients, стр. 20, ср. стр. 30) и у Абдурреззака Самаркандскаго имя этого города пишется ديزك, въ Абдулла-намэ درق и دزّق, въ надписи 979 г. Абдулла-хана (см. ниже прилож. II) ديزق По свѣдѣніямъ, собраннымъ А. И Макшеевымъ и мною въ Дизахѣ, населеніе этого города раздѣляется на 7 общинъ, имѣющихъ каждая своего аксакала и состоящихъ бо́льшею частію изъ выходцевъ изъ различныхъ мѣстностей (напр. Ташкенда, Уратюбе); одна только община состоитъ изъ коренныхъ жителей Дизаха; есть и община таджицкая. Такъ называемые горные Таджики, кромѣ племеннаго имени Галча̀ (ср. приведенныя у Риттера въ его Erdkunde, ч. VII, стр. 762 извѣстія изъ Назарова и Мейендорфа), носятъ и другія имена: Мача̀ и Фалгари̇.

[1]) Я здѣсь не займусь согласованіемъ хронологическихъ данныхъ, представляемыхъ указанными грамотами и печатями, съ другими подобными данными, какія представляютъ намъ извѣстныя пока коканскія монеты, описанныя П. С. Савельевымъ, В. В. Григорьевымъ и В. В. Вельяминовымъ-Зерновымъ.

Отъ Дизаха до Замина (زامين) считается по маршруту 55 верстъ. Заминъ также упоминается у древнѣйшихъ арабскихъ географовъ, Мокадесси, Кодамы, Ибнъ-Хордадбе; между Заминомъ и Саватомъ (у арабовъ ساباط) Мокадесси считаетъ 2 станціи или 4 фарсаха (Sprenger, Post-und Reise-routen des Orients, стр. 25), Ибнъ-Хордадбе только 2 фарсаха, что слишкомъ мало. Разстояніе между Саватомъ и Ходжендомъ у послѣдняго опредѣлено въ 10 фарсаховъ, что также не соотвѣтствуетъ разстоянію по маршруту (97 верстъ); Мокадесси считаетъ два дня караваннаго пути отъ Савата до Ходженда.

Ура-тюбе или Ура-тюпе, по словамъ Хафизъ-Таныша (Абдулла-намэ, рукоп. Аз. Музея Академіи Наукъ, л. 88 об., стр. 7) въ древности назывался Осрушною. Города Осрушны не было: такъ назывался цѣлый округъ (см. Sprenger, Post-und Reiserouten стр. 19 и 20) вмѣстѣ съ Заминомъ и Дизахомъ.

18. (стр. IX) Джаланутинское ущелье упоминается въ исторіи походовъ Тимура, Шейбани-хана и Абдуллахъ-хана: ايلان اوتى, ييلان اوتى, см. Шерефэддиново ظفر نامه и Абдуррезака Самаркандскаго مطلع السعدين подъ 807 годомъ, въ началѣ разсказа о походѣ Тимура въ Китай, Шейбаніаду изд. И. Н. Березинымъ, стр. 47 текста и стр. LXIV перевода, Абдулла-намэ, рук. Азіятскаго Музея л. 91. О двухъ надписяхъ, помѣщенныхъ на скалѣ ущелья, мы имѣли пока довольно неточныя и къ тому противорѣчащія другъ другу свѣдѣнія, сообщенныя двумя путешественниками. Оба говорятъ **объ одной надписи. Миръ-**Иссетъ-улла, бывшій въ этихъ мѣстахъ въ 1812 г. (см. J. Klaproth, Magasin asiatique, т. II, стр. 164), говоритъ, что видѣнная имъ надпись повѣствуетъ, что «въ 977 году гиджры, султанъ Абдулла-ханъ, во главѣ стотысячнаго войска изъ Ташкенда, Туркестана и степи кипчацкой сражался съ ханами, побѣдилъ ихъ и что кровопролитіе было столь значительное, что въ теченіе мѣсяца, вода текущаго здѣсь ручья была окрашена кровью».

Другой путешественникъ, А. Глуховскій, отправлявшійся осенью 1865 года, вмѣстѣ съ К. В. Струве и А. С. Татариновымъ, по порученію генерала Черняева, черезъ Дизахъ и Самаркандъ въ Бухару, въ своемъ разсказѣ о семимѣсячномъ ихъ плѣнѣ въ Бухарѣ (см. Русскій Инвалидъ 1868 года, № 97, стр. 3) сообщаетъ слѣдующее: «По ущелью Джаманъ (?)—Уты протекаетъ быстрая рѣка того же названія (т. е. Джаланъ-уты), берега которой, большею частію, круты и обрывисты. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка пересѣкаетъ дорогу, находится мельница. Миновавъ ее, ущеліе съуживается до сорока саженей ширины. Здѣсь высота двухъ отвѣсныхъ скалъ, среди которыхъ несется Джаманъ-Уты, простирается около 50-ти саженъ [1]). Эти скалы и ущеліе Джаманъ-Уты были свидѣтелями великихъ переворотовъ (?) совершавшихся на Востокѣ. Не только полчища Чингизъ-хана, Тамерлана, Бабера и другихъ восточныхъ повелителей проходили здѣсь,

[1]) На «Туркестанской выставкѣ» бывшей въ великомъ посту нынѣшняго года въ зданіи Министерства Государственныхъ Имуществъ, были два вида фотографически этой мѣстности. На одномъ изъ нихъ были замѣтны слѣды обоихъ надписей, помѣщенныхъ на скалѣ рядомъ.

но даже (?) и войска Александра Великаго [1]). На одной изъ скалъ до сихъ поръ еще сохранился историческій памятникъ бывшихъ дѣяній. На правой скалѣ находится доска [2]), гдѣ описанъ подвигъ Тамерлана (??), который съ 40,000 войскъ разбилъ нѣсколько сотъ тысячъ (400,000) кипчаковъ. О значеніи этой доски сообщилъ намъ Ишанъ-хаджи, но, къ сожалѣнію, никто изъ присутствовавшихъ лицъ не могъ прочитать написаннаго на ней».

Чтобы прочитать надписи снизу, не поднимаясь на одинаковую высоту съ ними, надобно имѣть очень зоркія глаза. Я употребилъ для того лѣсницу. Мнѣ привелось быть два раза въ Джаланутинскомъ ущельѣ, 7-го и 8-го сентября 1867 года. 7-го сентября мы съ Ал. Ив. Макшеевымъ отправились въ колясkѣ, въ сопровожденіи конвоя изъ казаковъ, въ Яны-курганъ. Въ этотъ самый день несчастный Служенко, на дорогѣ изъ Чиназа въ Дизахъ, былъ захваченъ шайкою Учмынцевъ и увезенъ въ плѣнъ въ Бухару, изъ котораго онъ впослѣдствіи возвратился, чтобы пасть геройскою смертью на стѣнахъ самаркандскихъ! На половинѣ дороги мы остановились въ ущельѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ высѣчены надписи на скалѣ, на высотѣ 8 аршинъ отъ ея подошвы. Я могъ разобрать только часть словъ, изъ которыхъ состоятъ надписи, но все таки успѣлъ убѣдиться, что въ нихъ нѣтъ рѣчи о Тимурѣ, а что одна принадлежитъ Улугъ-беку, внуку Тимура, другая же относится къ 979 году. Больше разобрать мѣшала отвѣсность скалы. Я надѣялся на слѣдующій день получить отъ начальника отряда въ Яны-курганѣ средства подняться на одну высоту съ надписьми. Надежда моя исполнилась. Полковникъ (нынѣ генералъ-маіоръ) Абрамовъ съ полною готовностью согласился на исполненіе моего желанія и утромъ 8 числа съ десятью казаками отправилъ на телѣгѣ гимнастическую лѣстницу къ мѣсту надписей. Вслѣдъ за ними отправился и я на казацкой лошади, съ конвоемъ изъ 14 казаковъ. Приставивши лѣстницу къ стѣнѣ скалы, я было нѣсколько разъ принимался дѣлать бумажный оттискъ съ первой надписи, но сильный вѣтеръ, дувшій вдоль ущелья, постоянно сдиралъ намоченную бумагу. Взять казака на верхъ нельзя было, потому что на верхнихъ перекладинахъ не было столько мѣста, чтобы двумъ тамъ балансировать и вмѣстѣ съ тѣмъ имъ свободно дѣйствовать руками. По этому я рѣшился удовольствоваться снятіемъ точной, на сколько возможно, копіи. Прошло четыре часа за работой, при которой приходилось нѣсколько разъ передвигать лѣстницу; пріѣхалъ Алексѣй Ивановичъ за мною изъ Яны-кургана, а я только-что кончалъ послѣднія строки второй надписи; оставалось еще повѣрить копіи. Наконецъ и это было сдѣлано и мы могли воротиться въ Дизахъ, откуда на другой день отправились черезъ голодную степь, съ ея извѣстнымъ рабатомъ (Мурза-рабатъ) [3]) и сардабами, въ Чиназъ. Изъ текста и перевода сообщаемыхъ

[1]) Мы не имѣемъ никакого прямаго указанія, что войска Александра Македонскаго, идя изъ Самарканда къ Сыръ-Дарьѣ, проходили именно черезъ это ущелье. Мы можемъ это только предполагать. Л.

[2]) Никакой доски здѣсь нѣтъ. Мѣста отвѣсной скалы, на которыхъ высѣчены надписи, только обтесаны, но не полированы.

[3]) Рабатъ — это восточный постоялый дворъ для безвозмезднаго пріема проѣзжающихъ. Между фотографіями, которыя были выставлены на Туркестанской вы-

*

здѣсь джаланутинскихъ надписей читатель увидитъ, что обѣ надписи различныхъ временъ, что сообщеніе Миръ-Иссетъ-уллаха относится только къ позднѣйшей изъ нихъ, что обѣ надписи позднѣе Тимура, которому г. Глуховскій, упоминая только объ одной надписи, приписываетъ ее, и что у послѣдняго вѣрно обозначена лишь численность побѣдившаго войска. Впрочемъ, кажется, есть сарты, которые довольно точно знаютъ содержаніе обоихъ надписей. Такъ мнѣ нынѣшнею весною случилось видѣть привезенный однимъ офицеромъ, состоящимъ при туркестанскомъ генералъ-губернаторѣ, г. Ибрагимовымъ, списки обоихъ надписей, которые довольно близко подходили къ подлинникамъ; ошибокъ противъ послѣднихъ въ нихъ было болѣе двадцати, но это были бо̀льшею частію отступленія отъ орѳографіи. Списки эти были сообщены г. Ибрагимову сартомъ.

## ПРИЛОЖЕНІЕ I.

### Надпись Улугъ-бека.

828 г. гиджры = 1425 г. по Р. Х.

بتوفيق ربانى حضرت سلطان اعظم مونى ملوك
الأمم ظل الله فى الارض رافع معالم السنة
والفرض السلطان مغيث الدين الغ بيك كوركان
خلد الله ملكه وسلطانه بولايت جتا و مغول
نهضت فرمود ودران ديار از ان قوم ريان بكذاشت
در تاريخ سنة ثمان وعشرين وثمانمأية الهلالية

### Переводъ.

«Съ помощію Господа Бога Его Высочество великій султанъ, покоритель царей народовъ, тѣнь Божія на землѣ, подпора постановленій сунны и закона божескаго, государь вспомоществующій вѣрѣ, Улугъ-бекъ Гуруганъ — да продлитъ Богъ время его царствованія и его правленія — предпринялъ походъ въ страну Джеты и Моголовъ, и отъ того народа возвратился въ эти страны невредимымъ. Въ восемь сотъ двадцать восьмомъ новолунномъ годѣ».

ставкѣ, былъ и видъ Мурза-рабата. Эта и нѣкоторыя другія фотографіи были доставлены въ Петербургъ предпріимчивымъ М. А. Хлудовымъ, который одного изъ своихъ прикащиковъ снабдилъ снарядами для фотографіи.

## Примѣчанія.

Почеркъ надписи несхи. Занимаетъ она четыреугольникъ въ 6′6″ длины и 3′7″ ширины. Нѣкоторыя буквы имѣютъ свои особенности. Надъ буквами ر и س для отличія ихъ отъ ز или ژ и ش поставленъ знакъ въ видѣ открытаго кверху угла; кромѣ того два раза, въ словѣ سلطان, въ первой строкѣ, и въ словѣ السنّة, во второй строкѣ, подъ буквою س еще три точки. Эти особенности встрѣчалъ я также въ рукописи Джувейніева Тарихи джиганъ-кушаи, принадлежащей нашей Имп. Публичной Библіотекѣ и поступившей туда въ числѣ рукописей Долгоруковскаго собранія. Въ словахъ رافع и حضرت подъ буквою ع и ح повторены тѣ же буквы въ уменьшенномъ видѣ, для отличія ихъ отъ غ и خ или ج Ср. В. В. Вельяминова-Зернова Изслѣдованія о Касимовскихъ царяхъ ч. III (въ XI томѣ Трудовъ Вост. Отд И. Арх. Общ.), стр. 241 и 242. Размѣщеніе точекъ надъ ث и ة и подъ ب иногда своеобразно: точки стоятъ не рядомъ или треугольникомъ, но въ вертикальномъ порядкѣ ( : и ⁝ ). Знакъ сукунъ (ْ) изображенъ въ видѣ угла, открытаго на лѣво (د). Первая строка кончается знакомъ надъ ك, четвертая и пятая знакомъ ٧ .

Объ упоминаемомъ въ этой надписи походѣ повѣствуютъ Абдурреззакъ Самаркандскій, Мирхондъ и Хондемиръ (см. Price, Chronological Retrospect, т. III, стр. 544). Походъ этотъ произошелъ оттого, что моголистанскій владѣтель, Ширъ-Мухаммедъ-огланъ (онъ былъ изъ Джагатаева рода и сынъ Мухаммедъ-хана и внукъ Хызръ-ходжа-хана, на дочери котораго женился Тимуръ; см. выше стр. 15) не исполнилъ одного требованія со стороны Улугъ-бека, именно выдачи бѣжавшаго въ Моголистанъ сына нѣкоего Али-Беврита. 15-го зильхидже 827 года (= 8 ноября 1424 г.) Улугъ-бекъ, правившій именемъ Шахруха Мавереннагромъ и Туркестаномъ, пошелъ къ Ходженду и остался зимовать въ Шахрохіи. Правое крыло его значительнаго войска зимовало около Карасмана на Арысѣ (на нашихъ картахъ Караспанъ и Карспакъ). По словамъ Абдурреззака Самаркандскаго (см. рукоп. Библ. Спб. Унив. л. 230 а) выступили въ походъ 27 числа перваго ребиъа 828 г. = 16 февраля 1425 г. 14-го слѣдующаго мѣсяца (4 марта) было сраженіе около Аксу (на дорогѣ отъ Ауліе-аты черезъ Мерке къ Токмаку одна изъ станцій называется Аксу). По Мирхонду, который подробнѣе Абдурреззака излагаетъ событія этого похода (см. рукопись Библ. С.-Петербургск. Универс. № 1819 а, лл. 422 а — 428 а) Улугъ-бекъ шелъ черезъ Яны-Таразъ (ينكى طراز) на Таласѣ, см. ниже стр. 38). Было еще другое сраженіе, по Абдурреззаку въ началѣ мая 1425 г. Въ обоихъ сраженіяхъ Улугъ-беково войско осталось побѣдителемъ. Числовыя и топографическія данныя въ обоихъ только-что упомянутыхъ источникахъ не совершенно сходны и заслуживаютъ ближайшаго разсмотрѣнія, которое откладываю до болѣе удобнаго случая. Сочиненіемъ Хондемира (خلاصة الاخبار) я пока еще не пользовался.

Относительно названія Моголистана страною Джеты и Моголовъ замѣчу, что авторъ Тарихи-Ра-

шиди (см. объ этомъ сочиненіи В. В. Вельяминова-Зернова, Изслѣд. о Касимовскихъ царяхъ, ч. II стр. 130 и слѣд.), заимствуя изъ сочиненія Шерефъ-эддина Али-Ездскаго (въ рук. Библ. С.-Петерб. Унив. № 19183 л. 62 а — 63 а) разсказъ о походѣ Тимура въ 776 году противъ Джеты, послѣ словъ متوجه جانب جته прибавляетъ отъ себя که عبارت از مغولستان است, см. рукопись перс. подлинника Тарихи-Рашиди, принадлежащую Библіотекѣ С.-Петерб. Унив. № 22022, л. 21 а. Слѣдовательно Моголистанъ и страна Джете синонимы. На счетъ происхожденія названія Джете В. В. Вельяминовъ-Зерновъ высказалъ предположеніе (см. его Изслѣдованія о Касимовскихъ царяхъ т. II стр. 363 — 365), что Джете или Чете *тождественно съ* Чатъ, *названіемъ племени, жившаго при сибирскомъ ханѣ* Кучумѣ на Оби и называвшагося также Жагатами. Оба имени, Джете и Чатъ, онъ склоненъ считать сокращеніемъ изъ Жагатъ или Джагатъ (جغات въ Сборникѣ лѣтописей), а послѣднее въ свою очередь опять происшедшимъ отъ слова Джагатай.

Я смотрю нѣсколько иначе на этотъ вопросъ. Имя Джете или Чете (Шерефэддинъ Али-Езди пишетъ جته, также и Мирхондъ, Абдурреззакъ Самаркандскій и авторъ Тарихи-Рашиди у Арабшаха; встрѣчаемъ то-же правописаніе, которое *представляетъ наша надпись, именно* جتا) *давалось обитателямъ* Моголистана, т. е. странѣ на востокъ отъ Мавереннагра и Туркестана, преимущественно нашей нынѣшней Семирѣчинской области вмѣстѣ съ ауліе-атинскимъ уѣздомъ Сыръ-Дарьинской области: о границахъ Моголистана см. извлеченія В. В. Вельяминова-Зернова изъ Тарихи-Рашиди въ его Изслѣдованіяхъ т. II стр. 154, 157, 161 и 164. Такъ какъ послѣ водворенія власти Тимура Джагатаидамъ оставалась только восточная часть первоначальнаго Джагатаева улуса, то подъ послѣднимъ у историковъ, писавшихъ о Средней Азіи со временъ Тимура, и подразумѣвается Моголистанъ. Называется послѣдній и улусомъ Джетинскимъ (الوس جته) или страною Джеты (ولايت جته), но это одинаковое значеніе названій جته и جغتای не даетъ намъ права приписывать обоимъ названіямъ одно происхожденіе, т. е. считать первое сокращеніемъ втораго. Я напротивъ, подобно Вивьенъ де-Сенъ-Мартену, вижу въ Джете (جته, جتا) новѣйшую форму имени народа, извѣстнаго намъ изъ китайскихъ источниковъ подъ названіемъ Ѣ-тха (Yé-tha), см. извѣстія Ма-туанъ-лина, сообщенныя въ сочиненіи упомянутаго француза: Les Huns blancs ou Ephthalites des historiens byzantins. Par M. Vivien de Saint-Martin. Paris 1849, стр. 58 — 63. Въ этихъ извѣстіяхъ обратило на себя мое особенное вниманіе слѣдующее мѣсто: «A la mort d'un Yé-tha, si la famille est riche, on le dépose dans un tombeau formé de pierres amoncelées; si elle est pauvre, on se borne à creuser une fosse pour l'enterrer. On enterre avec le corps tous les objets qui étaient à l'usage personnel du défunt» На дорогѣ изъ Ауліе-аты въ Мерке, на первой станціи, переѣхавши Таласъ, съ правой стороны видна группа холмовъ, сложенныхъ изъ крупнаго мѣстнаго щебня. У киргизовъ эти холмы называются Джети-тюбе т. е. семь холмовъ; но ихъ больше, до шестнадцати: съ дороги видишь только семеро. Самые большіе имѣютъ у подошвы отъ 200 до

250 шаговъ въ окружности. На поверхности ихъ образовались незначительныя впадины. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что они сложены человѣческими руками и вѣроятно они принадлежатъ къ тѣмъ могиламъ, о которыхъ говоритъ Ма-туанъ-линъ. Слѣдуетъ еще замѣтить, что о существованіи указанныхъ холмовъ мы *имѣемъ свидѣтельство* XIII столѣтія по Р. Хр., о которомъ я ниже буду имѣть случай говорить.

Что въ XIV и XV столѣтіяхъ не было народа съ именемъ Джете, и что послѣднее тогда было терминомъ политическимъ, въ этомъ я согласенъ съ В. В. Григорьевымъ (см. Землевѣдѣніе К. Риттера. Восточный или Китайскій Туркестанъ. Перевелъ В. В. Григорьевъ. Вып. I. Спб. 1869, стр. 433, примѣч. CCCLXXXV). Названіе могло остаться за страною, когда народа, отъ котораго она его получила, уже давно тамъ не было. Весьма невѣроятнымъ кажется мнѣ, чтобы «Джете» было сокращеннымъ искаженіемъ имени «Джагатай». Между тѣмъ, исключая перехода ј въ *дж*, впрочемъ совершенно естественнаго, имя Джете или Джета тождественно съ извѣстнымъ изъ китайскихъ источниковъ именемъ Ѣ-тха. Катрмеръ, въ примѣчаніи на стр. 230 и 231 III тома Notices et Extraits, указавъ на историческія сочиненія, въ которыхъ встрѣчается имя جتا или جته, высказываетъ предположеніе, что оно появилось одновременно съ именами Казакъ, Сартъ, Сыръ, Калмакъ. Что именованія Сыръ и Сартъ не древнѣе XIV столѣтія, объ этомъ можно еще поспорить съ *знаменитымъ покойнымъ оріенталистомъ*. Въ упомянутыхъ у Фишера, въ Сибирской Исторіи, Чатахъ Катрмеръ тоже склоненъ видѣть остатокъ Джете.

На счетъ слова Гурга̂нъ или, значится какъ въ этой надписи كُورَكان Гуруга̂нъ я выше, на стр. 19, въ примѣчаніи 3 къ надписямъ на надгробномъ камнѣ дочери Улугъ-бека, сослался на Джагатайско-турецкій Словарь, изданный В. В. Вельяминовымъ-Зерновымъ. Въ указанномъ мѣстѣ сказано: «كوركان — Кяфы (въ немъ) — Кяфы персидскіе (т. е. гяфы گ). Кто изъ рода Тимуръ-хана взялъ за себя дѣвицу изъ Джингизъ-ханова рода, того называютъ Гурганомъ. Называютъ еще такъ человѣка, который, будучи изъ рода воцарившагося собственною властью государя, женился на дочеряхъ двухъ государей; кромѣ того такъ называютъ царевича, рожденнаго отъ ханской дочери и ханскаго сына, и взявшаго за себя дочь хана». Размѣръ приведеннаго изъ حيرات الابرار Миръ-Али-Шира двустишія:

قانى جهان داورى چنكيز خان
قانى جهان خانى تيمور كوركان

т. е. «Гдѣ владѣтель міра, Чингизъ-ханъ?
Гдѣ ханъ вселенной, Тимуръ-Гурганъ?

заставляетъ предполагать въ словѣ كوركان два слога. Между тѣмъ на сообщенной здѣсь надписи я ясно могъ прочесть كُورَكان — Гуруга̂нъ. Приведенная И. И. Березинымъ адербиджанская форма также имѣетъ три слога.

Г. Бекчуринъ, въ приведенной выше (стр. 16) статьѣ, на стр. 214, переводитъ слова امير تيمور كوركان (изъ надписи на подсвѣчникахъ въ туркестанской мечети): «Эмиръ-Тимуръ-Куряганскій» (!), и къ этому переводу въ выноскѣ замѣчаетъ: «Селеніе Куряганъ, мѣсторожденіе Тамерлана, находилось въ Средней Азіи, близъ г. Шагри-Сябзъ, недалеко отъ Самарканда, гдѣ похороненъ герой». Любопытно было бы знать, въ какихъ источникахъ г. Б. открылъ селеніе «Куряганъ?» Но если бы такое селеніе и существовало, то написано было бы تيمور كوركانى, т. е. съ окончаніемъ имени притяжательнаго — ى, а не تيمور كوركان. Кромѣ Тимура и Улугъ-бека и нѣкоторые другіе потомки перваго звались гурганами.

---

## ПРИЛОЖЕНІЕ II.

### Надпись Абдулла-хана.

979 = 1571 года.

بر ضماير باديه پيمايان وخواطر راه روان منازل بروبحر واضح
ولايح باشد كه در تاريخ نُهصد وهفتاد و نُه ميان
نواب خلافت مكان ظل سُبحان عليخاقان عبدُالله خان
ابن اسكندر خان به سى هزار نفر مرد جنكى ونواب درويش
خان وبابا خان ابن براق خان وساير اولاد نواب مذكور
بجميع برادران تا پنجاه نفر سلطان وچهار صد هزار لشكر
تاشكند وتركستان وفرغانه ودشت قبچاق در مقام مماهى
جنكى واقع شد نواب صاحب قران غالب امد سلاطين مذكوررا
مغلوب كرده چند زان لشكر بقتل رسانيد كه از نفر كسمه بسمه كشته
تا يكماه در جويبار ديزق خون بجاى آب ميرفت تا معلوم بوده باشد

### Переводъ.

«Да вѣдаютъ проходящіе пустыни и путешествующіе по пристанищамъ на сушѣ и на водѣ, что въ девять сотъ семьдесятъ девятомъ году происходило сраженіе между отрядомъ вмѣстилища халифатства, тѣни Всевышняго, великаго хакана Абдулла-хана, сына Искендеръ-ханова, въ тридцать тысячъ человѣкъ боеваго

люда, и отрядомъ Дервишъ-хана и Баба-хана и прочихъ сыновей; сказаннаго отряда (было) всего: родичей султановъ до пятидесяти человѣкъ и — до четырехсотъ тысячъ служиваго люда изъ Ташкенда, Туркестана, Ферганы и Дешта Кипчака. Отрядъ обладателя счастливаго сочетанія звѣздъ одержалъ побѣду; побѣдивъ упомянутыхъ султановъ, онъ изъ того войска предалъ столькихъ смерти, что отъ людей убитыхъ въ сраженіи и въ плѣну, въ-теченіе одного мѣсяца, въ рѣкѣ Дизахской на поверхности воды текла кровь. Да сдѣлается это извѣснымъ»!

## Примѣчанія.

Надпись, занимающая четыреугольникъ въ 80″ вышины и 30″ ширины, высѣчена почеркомъ несхи приближающимся мѣстами къ шекесте. Буквы ع и ح (къ словахъ واضع и لايح строка 1 и 2) отмѣчены подстрочнымъ знакомъ похожимъ на cédille; подобный же знакъ имѣетъ подъ собою س въ словѣ سبحان (стр. 3); въ словахъ اسكندر и سی (стр. 4) подъ س три точки; مماهی (строка 7) я читаю میاهی — прилагательное отъ میاه, мн. ч. отъ ماء; کسمه بسمه کشته (строка 9) читаю کُشته بسته کُشته.

Событіе, воспоминанію о которомъ посвящена эта надпись, разсказано у Хафизъ-Таныша въ его Абдулла-намэ, въ главѣ مقابل شدن هر دو سپاه کینه خواه بعزم جنك سلطانی وشکست یافتن دشمنان بعون عنایت سبحانی وقوت دولت صاحب قرانی, рук. Аз. Музея Имп. Академіи Наукъ, л. 166 об.—171 а. Предшествовавшія этому событію обстоятельства изложены на предидущихъ листахъ.

Дервишъ-ханъ и Баба-ханъ были сыновья Баракъ-хана или Наурузъ-Ахмедъ-хана[1]), скончавшагося въ 963 (1556) г., см. В. В. Вельяминова-Зернова Монеты Бухарскія и Хивинскія въ указ. м. стр. 386; ср. Абдулла-намэ, рук. Аз. Музея л. 84 об. и 85 а. Наурузъ-Ахмедъ же былъ внукъ Абульхейръ-хана и сынъ Кучкунджіева одноутробнаго брата (отъ Рабиъа-султанъ-бегимъ), ташкендскаго правителя Сіюнджъ-ходжа-хана, умершаго (см. выше стр. 21) въ 931 (1525) г. У послѣдняго, кромѣ Наурузъ-Ахмеда, былъ еще другой сынъ, Гильди Мухаммедъ-султанъ (کیلدی محمد سلطان), который послѣ смерти отца правилъ въ Ташкендѣ, между тѣмъ какъ брату досталась Шахрохія (см. بدایع الوقایع л. 129 а, 130 и 373 об.). Кажется, что Мухаммедъ-султанъ умеръ до пріобрѣтенія Наурузъ-Ахмедомъ ханской власти, по крайней мѣрѣ о немъ не упоминается въ Абдулла-намэ. Двое изъ его сыновей и одна дочь похоронены въ туркестанской мечети[2]). Имѣлъ-ли онъ, кромѣ этихъ, еще другихъ дѣтей, также неизвѣстно. Можетъ быть, что названные

[1]) Кромѣ приведенныхъ авторомъ записки о бухарскихъ и хивинскихъ монетахъ (Труды Восточнаго Отдѣла И. Арх. Общ. ч IV стр. 383) свидѣтельствъ въ пользу того, что Баракъ-ханъ есть Наурузъ-Ахмедъ, можно еще сослаться на слова встрѣчающіяся въ выше (стр. 22, примѣч. 1) упомянутомъ Тарихи-Ракымъ (см рукоп. Аз М. стр. 330—331, тюркскій переводъ, рук. Аз. М. л. 138). Тамъ прямо говорится, что Наурузъ-Ахмедъ есть Баракъ-ханъ (نوروز احمد که براق خان است).

[2]) Прошу читателя исправить вкравшуюся въ мой отчетъ ошибку, см. стр. IX, строки 11 и 12, гдѣ вмѣсто «двухъ сыновей, внука и дочери», слѣдуетъ читать: «двухъ его внуковъ и внучки».

въ Абдулла-намэ (л. 224) двоюродными братьями (عمزادگان) Баба-суттана Абдалъ-султанъ, Паянде-Мухаммедъ-султанъ и Мегди-султанъ, были сыновья Гильди-Мухаммедъ-султана.

Наурузъ-Ахмеду власть ханская досталась послѣ смерти Абд-уллатифъ-хана въ 959 г., но не безъ большихъ усилій съ его стороны. См. «Монеты Бухарскія и Хивинскія» стр. 374 — 386. Почти все время своего непродолжительнаго ханствованія онъ провелъ въ войнахъ, и послѣ смерти оставилъ о себѣ память дурнаго мусулманина, не только по частной своей жизни, но и по отношенію своему къ дѣламъ правленія. Главнымъ противникомъ его былъ знаменитый Абдулла (правнукъ Ходжа-Мухаммедъ-султана, одного изъ одиннадцати сыновей Абдульхейръ-хана), который послѣ его смерти возвелъ на ханскій престолъ дядю своего, Пиръ-Мухаммеда, сына Ходжа-Мухаммедова сына, Джанибека.

Кромѣ упомянутыхъ въ нашей надписи Дервишъ-хана и Баба-хана, изъ сочиненія Хафизъ-Таныша извѣстны намъ еще два сыновья Баракъ-хана: Достъ-Мухаммедъ-султанъ (دوست محمد سلطان) или Достумъ-султанъ (دوستم سلطان) (Абдулла-намэ, рук. Аз. Муз. л. 72 об. и 220 а), которому въ 961 (1554) г. отецъ отдалъ Кермине, и Тагиръ-султанъ (طاهر سلطان, тамъ же л. 122 об.). Тотъ-же авторъ называетъ Баба-хана до самой его смерти Баба-султаномъ (л. 72, 86 а, 88 а, 149, 150 об., 152 а, 153, 163 об. и въ другихъ мѣстахъ). Баба-султанъ послѣ смерти отца остался въ Самаркандѣ; послѣдній былъ у него отнятъ Абдуллою и отданъ Абд-уллатифъ-ханову сыну, Кядай-султану, и его двоюродному брату Джеванмердъ-Али-хану, сыну Абу-Саъидъ-хана, именно вслѣдствіе сраженія, происходившаго въ м. джумады II 964 (= апрѣль 1557) г. въ равнинѣ Иланъ-этинской, т. е. около Дизаха; въ этомъ сраженіи были разбиты Дервишъ-ханъ, собравшій войско изъ подъ Ташкенда, Андеждана, Ходженда и Туркестана, и подошедшій къ нему на помощь изъ подъ Самарканда Баба-султанъ; см. Абдулла-намэ, главу محاربه نمودن خاقان گیتی افروز وشهریار دوست نواز دشمن سوز بالاولاد واحفاد نوروز احمد خان دوبار دریکروز وهزیمت یافتن آن فرقه بدآموز (л. 88 а — 93 а). Въ 977 году, гдѣ онъ дважды ходилъ на Самаркандъ, Баба-султанъ является правителемъ Туркестана — والی ترکستان, см. Абдулла-намэ л. 449 об., строка 3, ср. л. 208 об., строка 14.

Событіе, о которомъ упоминается въ нашей надписи, у автора Абдулла-намэ отнесено къ мѣсяцу сафару 980 года (съ 13 іюля по 11 іюня 1572 г.), именно ко времени послѣ похода въ Андходъ (Андхой) и Шабруганъ; см. рук. Аз. М. л. 162 об. Въ приведенной у него (л. 172) кассидѣ, написанной въ ознаменованіе одержанной Абдуллою побѣды, послѣдняя также отнесена къ 980 году (زمان نهصد وهشتاد بوده سال تاریخش). Зная Абдуллу занятымъ на югѣ осадою Термеда, Дервишъ-ханъ и Баба-султанъ снова задумали завладѣть Самаркандомъ: حاصل آنکه بنابر استماع این واقعه درویش خان وبابا سلطان باهمه برادران وخویشان عزم تسخیر سمرقند کرده دیگر بار جوهر عهد بناخن بیوفایی خراشیدند (л. 162 а). Абдулла вызвалъ войска изъ Міанкаля, Несефа, Бухары, Термеда, Балха, Андхода и Шабругана. Въ передовомъ отрядѣ у Абдуллы были Достумъ-султанъ (дядя его) и Мозафферъ-султанъ (сынъ Джеванмердъ-Али-хана и внукъ

Абдуллатифъ-хана). Въ передовомъ отрядѣ Туркестанцевъ были сынъ Баба-султана, Абдулла-султанъ, и Муминъ-султанъ, сынъ Эминъ-султана (по Шейбаніадѣ[1]), сына Барака). Получивъ извѣстіе, что непріятельскія силы собрались въ Кокъ-гумбезѣ (كوك كنبذ «синій куполъ»: از جانب سلطان درويش نشان دوستم سلطان كس بعتبه كيوان نشان آمده عرضه نمود كه مخالفان در كوك كنبذ فرود آمده منزل ساخته اند وطرح اقامت در ان وادى انداخته, л. 165 а) Абдулла сдѣлалъ свои распоряженія о приготовленіяхъ къ нападенію на нихъ. Что сраженіе было кровавое, свидѣтельствуетъ также Хафизъ-Танышъ: از سيلان خون فضاى صحرا و هامون نمونه آمويه وجيحون كشت واز وفور كشته آن دشت بلند كشته ازكوه الوند كذ شت, л. 169 а, 5 и 6 строки снизу).

Подъ Кокъ-гумбезомъ слѣдуетъ подразумѣвать Иланъ-этинское ущелье. О немъ подъ этимъ названіемъ упоминается и въ другихъ мѣстахъ Абдулла-намэ: 1) подъ 985 годомъ (см. начало главы توجه نمودن حضرت صاحب قران بجانب زامين جهته بابا سلطان, л. 219 об. и сл.), когда въ мѣсяцѣ Ребиъы II, Абдулла изъ Кани-гиля[2]) отправился къ Диззаку. При этомъ исчислены слѣдующія станціи: Ипаръ (ايپار, л. 219 об строка 11), Ѣдене-куруги (يدنه قوروقى л. 219 об. строки 11 — 12), Ребати-Меликъ (رباط ملك л. 220 а, строка 6), Кокъ-гумбезъ (كوك كنبذ л. 220 а, строка 12), Диззакъ (ذزّق, тамъ же строка 15); 2) подъ 988 г., л. 310 об., строки 6 и 7 снизу, гдѣ говорится объ отправленіи эмира изъ подъ Ташкенда, черезъ Иланъ-этэ и Кокъ-гумбезъ (وچون امير سعدتمند در اواخر ذى الحجه از صوب تاشكند مراجعت نموده از ايلان اوتى كذ شت ومتوجه كوك كنبذ كشت). Въ مطلع السعدين Абдуррезака, подъ 814 годомъ, также упоминается о Кокъ-гумбезѣ: Шахрухъ изъ Кани-гиля отправился въ Кокъ-гумбезъ, гдѣ Улугъ-бекъ устроилъ большой туй. Затѣмъ государь отправился въ Гератъ (л. 191 об.: حضرت خاقان سعيد عزم مراجعت فرموده موكب منصور از كان كل كوچ كرده بكوك كنبذ آمد..... وميرزا الغ بيك در همان منزل طوى عظيم كرده پيشكشهاى پادشاهانه بعز رسانيد.... وموكب عالى با كوكبهٔ دولت واقبال دردار السّلطنة هراة نزول جلال فرمود, см. также Катрмера въ Notices et Extraits, т. XIV, стр. 206).

О дальнѣйшей участи Баба-султана и Дервишъ-хана, послѣ 979 года, читатель можетъ найти нѣкоторыя свѣдѣнія у В. В. Вельяминова-Зернова, сообщенныя имъ изъ Абдулла-намэ въ его сочиненіи о Касим. царяхъ, ч. II, стр. 279—313. Тамъ (стр. 282 и 312) упоминается и о двухъ сыновьяхъ Бабы, Обейдулла-султанѣ и Латифъ-султанѣ.

Отъискать имена всѣхъ пятидесяти султановъ сражавшихся въ Иланъ-этинскомъ ущельѣ противъ Абдуллы, нѣтъ возможности, да и нѣтъ въ томъ надобности. Слово برادران въ значеніи «родичей»

[1]) По этому сочиненію у Барака было 8 сыновей, см. стр. 55 текста и LI перевода; ср. генеалогическую таблицу Абульхейръ-ханова рода, составленную И. Н. Березинымъ, на основаніи Шейбаніады.

[2]) Кани-гиль — загородный дворецъ подъ Самаркандомъ, см. بابر نامه изд. Ильминскимъ, стр 60, англійскій переводъ Erskine'а, стр. 53.

встрѣчается часто въ Абдулла-намэ, какъ въ отношенія къ Абдуллѣ такъ и въ отношенія къ его противникамъ; напр. л. 75 а: خاقان سليمان نشان بهرامى بعضى از برادران مانند خسرو محمد سلطان ودوستم سلطان; л. 86 об.: باتفاق جمعى از برادران مانند اوزبيك سلطان و خسرو محمد سلطان; л. 90 об.: درويش خان باسپاه تاشكند واندجان خجند و تركستان بمعاونت برادران اعلام ظفر نشان بر افراخته; л. 118 об.: درويش خان با بعضى از برادران; л. 119 а: وحضرت باجمعى از برادران وجميع اكابر وعيان; л. 162 а (подъ 980 г.): درويش خان وبابا سلطان باهمه برادران خويشان عز تسخير سمرقند كرده. Такъ напр. Хосру-Мухаммедъ-Султанъ и Достумъ-Султанъ не были братьями Абдуллы: первый былъ его двоюроднымъ братомъ, второй его дядею.

Замѣчательно, что Хафизъ-Танышъ не говоритъ о сооруженіи нашей надписи. При другомъ случаѣ, гдѣ Абдулла также позаботился объ увѣковечиваніи памяти о себѣ, и также въ такомъ мѣстѣ, гдѣ до него уже другимъ государемъ былъ сооруженъ памятникъ, мы находимъ свѣдѣніе о томъ у Хафизъ-Таныша. Это свѣдѣніе относится къ 990 (1582) г., къ походу въ Улу-тагъ, гдѣ почти 200 лѣтъ передъ тѣмъ, въ 793 (= 1391) г., Тимуръ, во время своего знаменитаго похода противъ Тохтамыша, велѣлъ войску своему изъ разбросанныхъ по горамъ камней сложить высокую башню (مناره), и на ней вырѣзать число этого событія. См. ظفر نامه рук. Библіотеки С. Петерб. Университета № 102 19183, л. 118 об., ср. Charmoy Expédition de Timour-i-Lenk въ указ. м. стр. 104—105, 181, 248—49, 278, 331—32, 369—70, 424, 445 и 479. Здѣсь и Абдулла-ханъ велѣлъ сложить высокую мечеть, см. عبدالله نامه рук. Аз. М. л. 336 а. По словамъ муншія Юсуфа, автора تذكره مقيم خانى, Абдулла приказалъ *искуснымъ мастерамъ* воздвигнуть противъ Тимуровской другую башню и написать на ней свое имя, см. рук. Аз. Муз. сочиненія Юсуфа переплетенную вмѣстѣ съ تاريخ راقم, стр. 42: وفرمود كه استادان چابك دست مناره ديگر در تقابل آن برافراشتند ونام عبد الله خان نگاشتند. Ср. J. Senkowski Supplément à l'Histoire générale des Huns des Turcs et des Mogols, contenant un abrégé de la domination des Usbèks dans la Grande Boukharie etc. (приложеніе къ Lectiones publicae in Caesarea Literarum Universitate Petropolitana per proximum cursum anni MDCCCXXIV habendae indicantur a Prorectore et Senatu academico. Petropoli 1824. 4⁰) стр. 26 — 27).

Самый конецъ надписи, въ которой упоминается о побѣдѣ Абдулла-хана надъ Дервишъ-ханомъ, Баба-султаномъ и ихъ братіей, указываетъ, что надпись была сочинена и вырѣзана по крайней мѣрѣ мѣсяцъ послѣ событія.

جويبار ديزق — *рѣка Дизахская* или *Иланъ-эти* ايلان اوتى — имѣетъ свои источники на южномъ склонѣ Зандзаръ-тага, течетъ въ долинѣ раздѣляющей послѣдній отъ Кара-тага и поворачиваетъ за тѣмъ къ Дизаху. Въ упомянутой долинѣ до 1866 г., времени занятія Русскими Ура-тюбе и Дизаха, было много селеній, которыя я при моемъ проѣздѣ засталъ уже пустыми, потому что жители ушли въ бухарскіе предѣлы. И около самого Дизаха, по той же причинѣ, многіе сады и поля не обработывались.

19 (стр. X). Я говорю здѣсь о «Си-ю-цзи, путешествіи на западъ монаха Чанъ Чуня» изданномъ

въ русскомъ переводѣ, съ примѣчаніями, архимандритомъ Палладіемъ, въ IV томѣ Трудовъ членовъ россійской духовной миссіи въ Пекинѣ. Спб. 1866, стр. 261—434, съ приложеніемъ карты владѣній монголовъ на сѣверо-западѣ, составленной въ 1331 году въ Пекинѣ. Тоже путешествіе издалъ во французскомъ переводѣ, съ присовокупленіемъ объясненій изъ китайскихъ комментаторовъ, Потьѐ (Pauthier), см. Relation du vojage du K'hiéou, surnommé Tchang-Tch'un (long printemps), à l'ouest de la Chine, au commencement du XIII-e siècle de notre ère, въ Journal Asiatique, VI-e Sèrie Tome IX, стр. 39—86. Привожу здѣсь изъ Си-ю-цзя что̀ относится къ Ахыръ-ташу и къ мѣстностямъ видѣннымъ Чанъ-Чунемъ и его спутниками нѣсколько переходовъ до Ахыръ-таша и затѣмъ далѣе на пути до самаго Самарканда. Стр. 306: «Потомъ, черезъ четыре дня пути на западъ, прибыли къ Таласу мулянь (мулянь значитъ рѣка); рѣка глубока и широка, течетъ на сѣверо-западъ; выходя съ востока она прорѣзываетъ Инь шань. На югъ рѣки тоже опять снѣжныя горы. 10-й луны 1-го числа [1]), переплывъ рѣку на суднѣ, мы прибыли на югъ къ одной большой горѣ, на сѣверную ея сторону, гдѣ есть небольшой городъ. Далѣе, мы пять дней ѣхали на западъ..... «Ѣхавши далѣе семь дней на западъ, мы переѣхали одну гору, на юго-западъ..... Стр. 307. «На другой день [2]) выпалъ большой снѣгъ; мы прибыли въ небольшой городъ Хай-хесскій: снѣгу выпало на футъ; но съ выходомъ солнца онъ растаялъ. 16-го числа, направляясь на юго-западъ, мы переѣхали рѣку, досчатымъ мостомъ и къ вечеру прибыли къ подошвѣ южныхъ горъ..... Мы слышали; что предстоящая дорога трудна; (стр. 308:) въ это самое время одна телѣга у насъ сломалась; мы и оставили ее. 18-го числа, мы ѣхали подлѣ горъ, на западъ, дней 7 или 8, *когда горы вдругъ пошли на югъ; на дорогѣ попалось намъ каменное городище; камни совершенно краснаго цвѣта; есть слѣды давняго военнаго становища* [3]). *На западъ есть большія насыпи могильныя, расположенныя какъ звѣзды въ Медвѣдицѣ.* Потомъ переѣхали черезъ каменный мостъ и по направленію юго-западныхъ горъ, сдѣлали пять переѣздовъ до города Сай-лань [4]). Здѣсь не-

[1]) Въ октябрѣ 1221 года? У Потье (стр. 60) здѣсь выставлено 2-е число 10-й луны (по примѣчанію переводчика, 19 октября 1221 г.).

[2]) 14-го числа 30-й луны?

[3]) Здѣсь (примѣч. 311, стр. 409) о. Палладій замѣчаетъ: «По этой же дорогѣ замѣтилъ подобные слѣды укрѣпленій русскій путешественникъ Назаровъ, при проѣздѣ въ Кокандъ. Magasin Asiatique 1825, т. I № 1, стр. 6.» Въ этой ссылкѣ двойная ошибка: во-первыхъ, на стр. 6. I тома Magasin Asiatique не говорится ни о какихъ древнихъ укрѣпленіяхъ; во-вторыхъ, пути Назарова и Чанъ Чуня совпадаютъ только на пространствѣ между Чемкентомъ (Сайрамъ *подлѣ* Чемкента, въ разстояніи 6-ти верстъ) и Ташкендомъ. Назаровъ упоминаетъ о «каменныхъ зданіяхъ на подобіе казармъ, никѣмъ не обитаемыхъ» близъ Сыръ-Дарьи, на правомъ ея берегу, восточнѣе Ходженда. См. «Записки о нѣкоторыхъ народахъ и земляхъ средней части Азіи» Филиппа Назарова. Спб. 1821, стр. 41; Magasin Asiatique, т. I стр. 35. Чанъ Чунь же переправлялся, какъ я дальше покажу, около Чинаса, т. е. западнѣе Ташкенда.

[4]) О. Палладій (прим. 312 на стр. 410) совершенно справедливо отождествляетъ этотъ городъ съ Сайрамомъ. Сайрамъ — древній Исфиджабъ, اسفيجاب и и اسبيجاب, по утвержденію Хафизъ-Таныша, см. عبد الله نامه л. 362 a. Cp. Sprenger Post- und Reiserouten. стр. 19—23; о Сайрамѣ см. также Катрмера въ Notices et Extraits, т. XIII, стр. 226.

большая башня.... 4-го числа у туземцев былъ новый годъ [1].... Затѣмъ (послѣ 5-го числа 11-й луны), мы отправились на юго-западъ и черезъ три дня прибыли въ одинъ городъ.... (Стр. 309). На другой день, мы опять проѣхали одинъ городъ и еще черезъ два дня пути прибыли къ рѣкѣ Хо гань [2]) мулянь; мы переѣхали ее по пловучему мосту и остановились на западномъ берегу ея. Смотритель надъ мостомъ поднесъ Тянь сянь гуну рыбу съ огромнымъ ртомъ, безъ чешуи. Истоки этой рѣки находятся на юго-востокѣ, между двумя снѣжными горами; вода въ ней мутна и течетъ быстро; глубина ея въ нѣсколько чжановъ («чжанъ = 10 футамъ», о. Палладій); направленіе ея на сѣверо-западъ, неизвѣстно, сколько тысячъ ли она протекаетъ. На юго-западъ отъ рѣки тянется степь болѣе 200 ли, гдѣ нѣтъ вовсе ни травы, ни воды; поэтому мы ѣхали тутъ ночью; потомъ мы направились на югъ, къ большимъ горамъ, и на западъ; эти горы соединяются съ южными Сѣмисыганьскими горами [3]..... Потомъ прибыли въ одинъ городъ, гдѣ нашли траву и воду; далѣе проѣхали однимъ городомъ..... (Стр. 310). Потомъ проѣхавъ еще два города, мы полдня ѣхали въ горахъ и выѣхали на долину, простирающуюся съ юга на сѣверъ..... Далѣе, прибывши къ одному городу, мы видѣли на дорогѣ колодецъ, глубиной болѣе ста футовъ..... 11-й луны 18-го числа, перейдя большую рѣку, мы прибыли на сѣверъ большаго города Семи сы гань. Насъ встрѣтили въ предмѣстіи Тайши, Ила го гунъ, монгольскіе воеводы и Хой хэскіе старшины, съ виномъ, и разбили множество палатокъ; по этому мы тутъ и остановились..... Спустя нѣсколько времени, мы въѣхали въ городъ сѣверо-восточными воротами».

Большая рѣка, которую до Семи сы ганя (Самарканда) Чанъ-чунь переѣзжалъ, была Зерефшанъ, а горы, чрезъ которые онъ переправлялся передъ тѣмъ, Кара-тагъ. Безводная степь, упоминаемая до этихъ горъ можетъ быть только извѣстная степь на сѣверѣ отъ Дизаха къ Чинасу. Слѣдовательно черезъ Сыръ-Дарью (Ходжендскую рѣку) путешественники переходили по пловучему мосту около Чинаса или южнѣе его,

[1]) «Т. е. маго етанскій», замѣчаетъ о. Палладій въ примѣч. 814 на стр. 410. Съ этимъ я не могу согласиться. Китайскій годъ, къ которому относится здѣсь 4-е число 11-й луны — годъ Синь сы (см. стр. 283); по примѣчанію 168 отца Палладія, на стр. 395, этотъ годъ соотвѣтствовалъ 1221 году нашего лѣтосчисленія. Послѣ одиннадцатой луны того же китайскаго года (см. стр. 315 и примѣч. 315 на стр. 412) слѣдовало еще 12-я луна и наконецъ вставочная. 2-го числа 2-й луны слѣдующаго года, Жень-ву, было весеннее равноденствіе (см. стр. 315). Слѣдовательно годъ Жень ву начинался въ февралѣ 1222 года. Но и въ этомъ мѣсяцѣ, именно 15-го число (см. F. Wüstenfeld Vergleichungs — Tabellen der Muhammedanischen und Christlichen Zeitrechnung. Leipzig 1854, стр. 26 и 27), было начало новаго магометанскаго 619 года. Слѣдовательно праздникъ въ Сайрамѣ, отнесенный дневникомъ путешествія Чанъ-Чуня къ 4-му числу 11-й луны года Синь сы, не могъ быть магометанскимъ новымъ годомъ, а безъ сомнѣнія, былъ первый Бейрамъ (عيد الفطر), послѣ окончанія поста въ рамазанѣ мѣсяцѣ, послѣднее число котораго было 17-е ноября 1221 года.

[2]) О. Палладій совершенно справедливо замѣчаетъ (примѣч. 818 на стр. 410) «т. е. Хочжендъ». Сыръ-Дарья очень часто называется у мусульманскихъ писателей Ходжендскою рѣкой.

[3]) «Или составляютъ ихъ продолженіе; текстъ равно допускаетъ эти два перевода». Прим. о. Палладія 821-е, на стр. 410.

но, во всякомъ случаѣ, на западѣ отъ Ташкенда. Между рѣкой и Сайрамомъ они провели 6 дней. Два города встрѣченныя ими на пути, могутъ быть Шашъ и Бинакетъ (въ послѣдствіи Шахрохія). Что изъ Сайрама они не пошли на Ходжендъ, на это прямо указываетъ упоминаніе безводной степи тотчасъ послѣ переправы черезъ Сыръ и раньше горъ лежащихъ на сѣверѣ отъ Самарканда. Поэтому упоминаемое до Сайрама городище изъ камней краснаго цвѣта не можетъ относиться къ другимъ развалинамъ, какъ именно къ нашему Ахыръ-ташу. Рядомъ съ этимъ городищемъ упоминаются большія могильныя насыпи, расположенныя какъ звѣзды въ Медвѣдицѣ. Это опять наши, (стр. 28) вышеупомянутые Джети-тюбе, на дорогѣ отъ Ауліе-аты къ станціи Учъ-булакъ. Каменный мостъ, отъ котораго до Сайрама было пять переходовъ, вѣроятно велъ черезъ рѣку Асу. Аса, въ верхнемъ теченіи Тересъ, на западѣ отъ Ауліе-аты, нанесена на карту, которая приложена къ статьѣ А. И. Макшеева «Географическіе, этнографическіе и статистическіе матеріалы о Туркестанскомъ краѣ», во II томѣ Записокъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по Отдѣленію Статистики. Сайрамъ лежитъ немного восточнѣе Чемкента, въ разстояніи 6 верстъ отъ него. Отъ Ауліе-аты до Чемкента 7 перегоновъ, по маршруту 173 версты [1]). При моихъ объясненіяхъ пути Чанъ-чуня меня сначала нѣсколько останавливало одно обстоятельство, именно то, что въ Си-ю-цзи о Таласѣ, который Чанъ-чунь переплылъ на суднѣ, упоминается подъ 1-вымъ числомъ 10-ой луны. Между тѣмъ Таласъ нашихъ картъ не на столько отдаленъ отъ Сайрама, чтобы Чанъ-чуню приходилось отъ перваго до послѣдняго ѣхать цѣлый мѣсяцъ. Кромѣ того, Таласъ можетъ быть пройденъ въ бродъ. По этому я предполагаю, что рѣка, которую Чань-чунь переѣзжалъ на суднѣ есть рѣка Чу нашихъ картъ. Въ переводѣ Потьѐ (стр. 60) рѣка эта названа «Tâ-tsze-sze (или Teh-ke-sze)» и затѣмъ прибавлено; «Les gens du pays appellent ce fleuve Weï-moulien». До этой рѣки упоминается большая рѣка, текущая съ востока на западъ. Послѣднею можетъ быть только Или. Китайскій комментаторъ (см. у Потьѐ, прим. 1-ое, на стр. 60) называетъ ее A-li-ma-t'ou. О городѣ Али-ма (въ переводѣ о. Палладія, стр. 304, у Потьѐ, стр. 59—60) онъ говоритъ, что это илійскій укрѣпленный городъ. Извѣстно, что нынѣшній городъ Вѣрный, лежащій между рѣками Или и Чу, построенъ на мѣстѣ, называвшемся Алматы. По всему этому я заключаю, что Таласу-мулянь не нашъ Таласъ, а рѣка Чу. Но при такомъ убѣжденіи рождается вопросъ, слѣдуетъ-ли всегда, когда мусульманскіе историки говорятъ о Таласѣ или Талашѣ (ср. замѣтки Катремера въ Notices et extraits, т. III, стр. 224—226), подразумѣвать подъ нимъ Таласъ нашихъ картъ? Улугъ-

[1]) Въ изданномъ Потьѐ, по китайскому источнику, въ Введеніи къ его изданію путешествія Марка Поло, Маршрутѣ Гулагу-хана (см. Le Livre de Marco Polo; publié par M G. Pauthier. Première Partie. Paris 1865, стр. CXXXVI) сказано: «Le vingt huitième jour (de la seconde lune), on passa le Tha-la-sse. Le premier jour de la troisième lune, on traversa la ville de Saï-lan. Слѣдовательно отъ Таласа до Сайрама войско Гулагу-хана шло 3 дня. И въ этомъ маршрутѣ Сыръ названъ Ходжендскою рѣкою (le fleuve Hou-khien).

бекъ, послѣ Аксуйскаго сраженія перешелъ рѣку Джу (جو, см. مطلع السعدين, рук. Унив. Библіотеки, л. 230 об., строки 9—10). По этому я выше (стр. 27) указалъ на станцію Аксу, на дорогѣ изъ Мерке въ Токмакъ. Опредѣленіе положенія Тараза, который по собраннымъ Катмеромъ свѣдѣніямъ (см. выше, стр. 10) слѣдуетъ искать около Таласа, безъ сомнѣнія, заслуживаетъ вниманія будущаго археолога-изслѣдователя въ Туркестанскомъ краѣ. Въ извѣстной подъ названіемъ تاريخ نرشخى исторіи Бухары (см. о ней замѣтку Н. В. Ханыкова въ Journal Asiatique, стр. VI$^{e}$ Serie, т. VII, стр. 284; кромѣ того его же замѣчанія объ этой исторіи въ Mélanges Asiat., т. II, стр. 437; Vambéry Sketches of Central Asia, London 1868 или Skizzen aus Mittelasien, Leipzig 1868, перев. на русскій языкъ, М. 1868. 8$^{0}$, главу XV; см. также каталогъ рукописей Ханыковскаго собранія, составл. академикомъ Б. А. Дорномъ въ Mélanges Asiatiques, т. V, стр. 247, подъ № 78—80) приводится извѣстіе изъ недошедшаго до насъ сочиненія Абу-ль-Хассана Абдуррахмана Мухаммедова сына Нишабургскаго خزائن العلوم т. е. «Сокровищницы наукъ», по которому городъ Таразъ — طراز كند — въ Туркестанѣ, еще до завоеванія Бухары Арабами, вѣроятно въ VI столѣтіи до Р. Хр., былъ основанъ выходцами изъ послѣдней, удалившимися чтобы избавиться отъ угнетенія своего царя или князя. По нѣкоторымъ подробностямъ встрѣчающимся въ разсказѣ объ этомъ происшествіи слѣдуетъ заключать, что Таразъ былъ основанъ людьми иранскаго племени. Изъ арабскихъ географовъ собраны были свѣдѣнія о Таразѣ у Шпренгера въ его Post-und Reiserouten des Orients, стр. 22—23, 27; см. также Географію Абульфеды, въ изд. Ренó стр. 496—7, и Словарь Якута, въ изданіи Вюстенфельда, т. III, стр. 524.

До каменнаго городища (подъ 16 числомъ 10 луны), въ дневникѣ путешествія Чанъ-Чуня, упоминается о рѣкѣ, которую переѣхали по досчатому мосту. Эта рѣка не притокъ-ли Таласа, который впадаетъ въ него съ востока? См. карту къ статьѣ А. И. Макшеева. Черезъ Таласъ могли переѣзжать, какъ я уже замѣтилъ, въ бродъ. Замѣчу еще, что старая дорога, она и нынѣ караванная дорога, проходитъ ближе къ горамъ, чѣмъ нынѣшній почтовый трактъ. Отъ послѣдняго Ахыръ-ташъ отстоитъ въ 5 или 6 верстахъ, а караванная дорога проходитъ подлѣ его сѣверной стѣны, въ постройкѣ которой еще больше успѣли, чѣмъ въ кладкѣ другихъ. Слова Си ю цзи: «есть слѣды давняго военнаго становища» подтверждаются слѣдами вала и фундамента на сѣверѣ отъ Ахыръ-таша, то есть на лѣво отъ караванной дороги въ Мерке. На нихъ обратилъ мое вниманіе извѣстный нашъ горный инженеръ А. С. Татариновъ, сопровождавшій меня въ одну изъ моихъ поѣздокъ, которыя я трижды предпринималъ изъ Ауіе-аты къ Ахыръ-ташу.

Происхожденіе названія «Ахыръ-ташъ» я объясняю вотъ какъ. Персидское слово اخور или آخر имѣетъ значенія: 1) *конюшни*, 2) *ясель*. Выше мною приведенное мѣсто изъ Си ю цзи, которое именно относится къ «Ахыръ-ташу» и къ «Джети-тюбе», въ переводѣ Потьè гласитъ: «Une ville bâtie en pierres dut être traversée; ces pierres étaient de couleur absolument rouge. On y trouve les anciens vestiges d'un campement militaire qui sert d'étape à la cavalerie. A l'ouest il y a un grand tombeau qui ressemble aux étoiles de la con-

stellation du Boisseau réunis». Словъ, которыя бы соотвѣтствовали словамъ «qui sert d'étape à la cavalerie», нѣтъ въ русскомъ переводѣ. Вѣроятно ихъ и нѣтъ въ редакціи Си ю цзи, которой пользовался о. Палладій. Предположеніе, что эта мѣстность служитъ этапнымъ трактомъ для кавалеріи, вѣроятно, было вызвано многочисленными большими камнями (до 3 аршинъ длины и до $1^1/_2$ аршинъ въ ширину и вышину), которые разбросаны отъ восточной стороны Ахыръ-таша до горы, гдѣ производилась ломка строительнаго камня, и на своей верхней сторонѣ имѣютъ выдолбленые прямоугольниками жолобы, въ 4 вершка глубины. Эти камни и теперь окрестными жителями считаются яслями (ахуръ). Но на мой взглядъ, они предназначались для стѣнъ строенія, которое нѣкогда предполагалось здѣсь воздвигнуть, а углубленія въ нихъ должны были образовать ниши во внутренней сторонѣ зданія. На основаніи упомянутаго предположенія о мнимомъ назначеніи камней, всему этому памятнику старины было дано названіе «Ахуръ-ташъ» или «Ахыръ-ташъ», т. е. каменныя ясли. Китайскій комментаторъ приводимый у Потье (стр. 65) полагаетъ, что городъ построенный изъ краснаго камня составлялъ первую станцію на западъ отъ рѣки Или. Но такому объясненію противорѣчитъ самый дневникъ путешествія Чань-чуня.

П. Лерхъ.

Въ Декабрѣ 1869 г.

## ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ:

Стр. 5, строка 10, вмѣсто. т. е. الفضال и т, д., читайте: افضال и т. д.

Стр. 10, строка 9 снизу, читайте: des Mongous. Paris, 1739. 4°.

*Тамъ же, вмѣсто: Pa-lul-tching читайте: Pa-eul-tching.*

Стр. 14, строка 3 снизу, читайте: میر قلعه.

Стр. 22, строка 13, вмѣсто: пашей, чит.: нашей.